Произведения лауреатов и дипломантов Первого Открытого литературного конкурса имени Всеволода Остена - Малая проза и публицистика

Номинация «Малая проза и публицистика» 2021-22

Первое место (золото) и звание лауреата:
Гошев Сергей Аркадьевич (персональный номер участника - 53)

Второе место (серебро) и звание лауреата:
Каштанова-Ерофеева Галина Владимировна (140)

Третье место (бронза) и звание лауреата:
Козлова Светлана Александровна (Милена Миллинткевич (131)

Звание дипломанта:
Воронин Дмитрий Павлович (130)
Гаммер Ефим Аронович (64)
Дейнега Галина Николаевна (112)
Ермаков Дмитрий Анатольевич (47)
Потапов Александр Николаевич (39)
Пучков Андрей Викторович (35)
Смирнов Михаил Иванович (71)

Гошев Сергей Аркадьевич – родился в 1957 году в городе Котлас. Закончил два военных училища. Уйдя в отставку, работал учителем в школе. Занимается патриотическим и духовно-нравственным воспитанием молодёжи. Известен как детский писатель. Член Союза писателей России. Проживает в городе Советск Калининградской области.

Сиреневый май

Прошло много лет, даже десятилетий, но детские воспоминания о слепом учителе пения всё чаще тревожат мою душу. Учился я тогда в начальной школе…

Первого сентября классная руководительница сообщила нам:

– Ребята, в этом году у вас будет новый учитель пения. Зовут его Павлюков Андрей Алексеевич. Он воевал, танкист, горел в танке. Потерял зрение. Прошу вас, будьте внимательны к нему, ведите себя достойно.

И вот по расписанию урок музыки. Мы расселись в кабинете. У доски стоял стул, на нём лежал баян. Директор школы завела под руку мужчину в чёрных очках с белой тросточкой.

Мы замерли. Глазами пожирали учителя. В наших маленьких головах не укладывалось: как слепой человек будет преподавать музыку, вести классный журнал, ставить оценки. Как он справится с нами, сорванцами? Как узнает, кто поёт – Петров или Сидоров? Кто вышел к доске? Тишина стояла такая, что жужжащая муха на стекле, казалось, билась в барабан, а не в окно.

Учитель вызывал учеников к доске, знакомился. Просил спеть или повторить несколько нот. Потом что-то прокалывал на твёрдом листе небольшим шильцем. Он вёл себя так, как будто всё видит, что происходит в классе и кто перед ним стоит.

Мой сосед по парте что-то бубнил себе под нос, но я не слушал его. Всё моё внимание было

приковано к учителю. Дошла очередь и до меня. После прослушивания Андрей Алексеевич сказал, что мне нужно обязательно петь в школьном хоре. За чёрными очками не было видно его глаз, но при малейшем шорохе или шёпоте в классе, казалось, что он смотрит именно на нарушителя дисциплины. Я был напряжён. Моё сердце билось так громко, что, думаю, его слышал даже учитель. Он взял меня за руку и вдруг неожиданно спросил:

– Серёжа, ты сидишь в правом ряду на последней парте?

– Да!

– А рядом с тобой си–дит… – Учитель снял очки и посмотрел закрытыми глазами на мою парту.

Весь класс повернулся и уставился на новенького ученика-второгодника. Уши и лицо его побагровели. Он встал и неуверенным голосом ответил:

– Я Петя Петухов.

– Вот и познакомились, говорун! Ты повторно постигаешь науку четвёртого класса?

– Да…

– И начинаешь учебный год с замечаний. Учителя всё видят, всё слышат и любят всех вас. Петя, полюби и ты себя и будешь хорошо учиться. Полюби своих сверстников, друзей, родителей, и ты станешь уважаемым и счастливым человеком.

Эти слова учителя-фронтовика, обращённые к Петьке, врезались мне в память на всю жизнь. А с учеником Петуховым стали происходить удивительные метаморфозы. Он стал не только хорошистом, но и старостой класса. А ещё – и моим другом.

Хотелось побольше узнать об учителе пения. Но его всегда сопровождали учителя: в класс приводили и уводили после урока. Задержать его нашими расспросами не удавалось. Но мне повезло. Школа готовилась к проведению военно-спортивной игры «Зарница». Все суетились: обустраивали стадион, спортивную площадку для соревнований. И наш класс вместо урока пения привлекли к трудотерапии.

– Кто желает сопровождать Андрея Алексеевича? – спросила классная.

Я поднял сразу две руки, не дав другим опомниться. Петька удивлённо посмотрел на меня и тоже поднял руку.

– Хорошо. Вы, – обратилась к нам классный руководитель, – идёте в учительскую за учителем и вместе спускаетесь во двор. А остальные на стадион расставлять флажки.

Мы сели на лавку болельщиков, учитель – в середине. Смотрели на футбольное поле, где старшеклассники тренировались, бросали деревянные гранаты. Петька вертелся, подавал мне какие-то знаки.

– Побегайте, ребята. У вас есть полчаса. Я вас позову, но не уходите далеко, – сказал Андрей Алексеевич.

Он достал часы, потёр и щёлкнул ими.

– Петька, хочешь, беги. Я тут побуду, – зашептал я. Друг развёл руками и умчался к одноклассникам. – Андрей Алексеевич, давно хочу вас спросить, но…

– Не стесняйся, спрашивай! – учитель взъерошил мои непокорные вихры. Его обожжённое, покрытое рубцами лицо засияло открытой мальчишеской улыбкой. Чёрные стёкла очков показались мне добрыми карими глазами. Я почувствовал, как невидимая нить объединила нас, двоих мужчин. Один из которых – учитель, ветеран, не раз смотревший в лицо смерти. Другой – дворовый мальчишка, который только начал постигать этот мир.

– Мне и всем ребятам в классе кажется, что вы всё видите, а слепым притворяетесь. Например, на прошлой неделе, помните. Петька нам рассказал, что фильм классный про басмачей идёт. Видел уже, но ещё бы раз посмотрел. Надо только с урока сбежать. Стыдно мне, конечно, но в кино хочется. Договорились, если он незаметно выскользнет за дверь, то и мы с Танькой Боженовой следом. Петухов специально оставил дверь в класс приоткрытой, чтобы она не скрипнула. В середине урока он на цыпочках крался к двери. Затаив дыхание, всем классом наблюдали за его передвижением: уйдёт или не уйдёт. Крутили головами: то на вас, то на Петьку. А вы были заняты прокалыванием своего таинственного журнала. Он уже выставил за дверь свой портфель, ещё мгновение… он – в коридоре. И вдруг: «Петухов, закрой дверь, сядь на место!» Ваш строгий голос обрушился на нас, как снег на голову. Петька так и присел в проёме двери, без скрипа закрыл её и по-пластунски приполз к парте. А портфель так и остался в коридоре.

– А на какой фильм хотели сбежать?

– «Белое солнце пустыни».

– В учительской много о нём хорошего слышал. Если вам хочется, то обязательно сходите, не откладывайте, но не за счёт знаний, получаемых в школе. – Учитель помолчал. – Жаль, не смогу его увидеть, только если послушать… – Улыбнулся и продолжил: – Серёжа, никому не рассказывай, пусть это будет наш секрет. Я действительно ничего не вижу. Но могу сказать, что человек, лишённый зрения, лучше слышит окружающий мир и улавливает даже еле заметное дуновение ветерка. Поэтому твоего друга Петьку я вычислил сразу, как только он перекрыл свежий воздух, поступающий из коридора.

– А время, время как вы видите на часах? – не унимался я.

– Это совсем просто! У меня особенные часы, сделанные на заказ. – Учитель вытянул руку, на запястье показался большой циферблат. Провел по стеклу, нажал сбоку, и на моих глазах откинулась крышечка-стекло. Он положил указательный палец на оголённые стрелки и определил время с точностью до минуты. – Вот, Серёжа, никакого фокуса. Всё просто!

Любопытство было сильнее приличия:

– Как оценки нам ставите, как вы пишете? Не могу понять!

– А вот этой науку, брат Серёжка, я постигал не один год! До войны я начал учиться в институте, хотелось закончить его, а, потеряв зрение, лишился этой мечты. Но однажды сказал я себе: «Нет! Не для того я воевал четыре года в танке, чтобы как слепой крот, безмолвно рыть землю и ждать своего конца. Я ведь человек!» – Казалось, что учитель смотрит прямо на меня. – Узнал, где и как можно научиться читать и писать, используя рельефно-точечную систему Луи Брайля. Луи Брайль француз, ему было всего пятнадцать лет, когда потерял зрение. Он разработал специальный шифр, где для изображения букв используются шесть точек. Представляешь, шесть точек! Это и буквы, и цифры, и ноты, и знаки препинания! Продавливаю шильцем бумагу – пишу – и оставляю на ней

бугорки. «Писать» приходится с обратной стороны листа. Текст пишется справа налево, затем страница переворачивается, и текст читается слева направо! – Андрей Алексеевич опять взъерошил мои вихры. Засмеялся. – Удовлетворил твоё любопытство?

– Вот здорово! А вы институт закончили?

– И институт закончил, и музыку пишу для слепых одарённых детей.

Меня понесло:

– А про вас в школе говорят, что ваш танк горел, вы ослепли и надели чёрные очки. После госпиталя снова фрицев бить пошли, так они вас боялись, потому что вы в очках видеть стали лучше, чем они! Это правда?

Мой вопрос до слёз рассмешил учителя. Он снял очки, вытер платком промокшие глазные рубцы, потом ответил:

– Да нет, конечно! – Немного помолчав, улыбнулся, вздохнул глубоко и заговорил: – Горел наш танк не раз. А при штурме Берлина активизировались панцерфаустники. Они стреляли по нашим танкам из своих одноразовых гранатомётов из окон, из подвалов, с крыш, из-за угла. Но мы продвигались вперёд. Братья-пехотинцы и мы уже видели впереди Рейхстаг. Хотелось МИРА, ПОБЕДЫ, скорее УВИДЕТЬ родных. Только темнота удержала нас от наступления. На ночь устроились в брошенной квартире, танк – во дворе. Сели за стол, зажгли свечу и стали есть. Вдруг кто-то чихнул в шифоньере. Схватились за оружие, приготовились к стрельбе. «Хенде хох! Руки вверх!» – крикнул я и шумно передёрнул затвор автомата. Дверь шкафа медленно со скрипом открылась, и мы увидели в тусклом пламени свечи глаза ребёнка. Это был мальчик лет десяти-одиннадцати, почти как ты. Чумазый, с испуганным взглядом, он вылез и поднял руки. На нём были порванная солдатская куртка и шорты. Стал что-то быстро бормотать по-немецки, поглядывая на стол. Я понял, он голоден. Усадили его рядом, дали хлеба. После каждого откусанного куска он говорил: «Гитлер капут!» – и, не разжёвывая, проглатывал. Мы смотрели на него и молчали, даже забыли про еду. Видно, в ту минуту каждый вспомнил дом, детей, братьев…

Я принёс из танка свой баян, с которым не расставался все четыре года войны. За песнями, воспоминаниями и рассказами мы так и встретили рассвет. Тот далёкий, победный, мой последний рассвет сиреневого мая, который я видел своими глазами…

Всё загрохотало с ещё большей силой. Небо стало красным от битой кирпичной пыли, а воздух – вновь горьким и едким от пороховых газов. Вперёд мы продвинулись не более ста метров. Сзади в корпус танка влетел огненный заряд. Ослепительный свет жаром обдал меня. Я ослеп и потерял сознание. Очнулся уже в госпитале. Темнота. Кто-то рядом разговаривает. Пытаюсь пошевелиться, а тело ноет и не слушается. «Андрей, очнулся?» – узнал знакомый голос своего механика танка. Я сжал его руку. «Победа! Победа, товарищ командир! – обрадовал он меня. – Германия капитулировала! Братья-пехотинцы поймали того фаустника, что наш танк спалил. Сдали его в комендатуру. Оказался тот самый пацан, что в шкафу сидел, которого мы кормили. У него там и панцерфауст был запрятан. А баян ваш в целости и сохранности доставлен в госпиталь. Только вот немного от огня верхние клавиши почернели, а так с виду всё целёхонько осталось. Не переживайте, товарищ командир». Механик растянул меха, и я услышал родной голос своего боевого друга. Мне захотелось быстрее стать в строй и ощутить под пальцами опалённые огнём войны кнопки. На поправку быстро пошёл. Скоро в палате играла музыка, собирая половину госпиталя. Я играл и думал: «Кому я нужен – слепой, с изуродованной душой и телом?» Плакать хотелось. И вдруг прозрел – нужен. Родным своим нужен. Вот тебе, Серёжка, нужен. Дружку твоему Петьке нужен. А за Берлинскую операцию наш экипаж представили к Орденам Славы, а мне Орден Отечественной

войны первой степени дали.

Учитель замолчал.

– А у нас вокруг школы много сирени. Сейчас так красиво цветёт, а пахнет… – Не знаю, для чего я это сказал.

Прибежал Петька с веткой сирени в руках.

– Никак, сиренью запахло? Только запах и помогает «увидеть» тот победный сиреневый май, – сказал Андрей Алексеевич и улыбнулся.

– Да я аккуратно веточку отломал. В классе поставим, – стал оправдываться мой дружок.

– Всё хорошо, Петя, не переживай, – успокоил его учитель.

Мы повели бывшего танкиста в школу.

Я заглянул в класс, подошёл к лежащему на стуле баяну. Осторожно провёл рукой по обгоревшим кнопкам. В дверях появилась физиономия Петьки.

– Ты что тут баян трогаешь?

– Эх, Петька! Для нас это просто баян, а для Андрея Алексеевича это настоящий боевой друг.

Каштанова-Ерофеева Галина Владимировна – родилась в городе Черняховск Калининградской области. Окончила филологический факультет Калининградского государственного университета. Один из главных интересов – литературное краеведение. Лауреат премии Правительства Калининградской области «Сопричастность». Член Союза журналистов России и Международного Союза журналистов. Живёт в Черняховске.

Настоящее время Всеволода Остена

«…Теперь вперёд!

– За мной!

Выскакиваю на бруствер и по еле приметной тропке бегу к насыпи. Здесь ещё раз пересчитываю бойцов, убеждаюсь, что все налицо, и, стараясь перекричать грохот разрывов, снова командую:

– За мной!

Бегу, согнувшись в три погибели, так, что почти касаюсь подбородком собственных колен. Без единой передышки влетаю на пешеходную дорожку моста и теперь уже с остановками на двадцать-тридцать секунд перебегаю от колонны к колонне. У меня есть время оглянуться, и я вижу, что бойцы, точно копируя мои движения, цепочкой продвигаются вперёд…»

Так говорит и действует герой повести Всеволода Остена «Без вести пропавший». Прошлое своё он видит «в режиме реального времени», как «непреходящее настоящее». Оно и прожито, и живо. Как и для самого автора, стремившегося рассказать нам о том, что никогда не должно быть забыто…

Всеволод Викторович Остен приехал в Калининградскую область в 1949 году. А родился на другом краю большой страны, во Владивостоке, 23 октября 1921 года. Отец – рабочий-механик, потомок финнов, переселившихся в Уссурийский край в XIX веке (их фамилия Ваастен под канцелярским пером изменила свой вид); корни материнского рода – в Самарской губернии…

В 1940 году Остен поступил в Московское военно-инженерное училище, а в начале Великой Отечественной войны, закончив его досрочно, ушёл на фронт. Осенью 1941 был ранен, попал в окружение, потом сражался в партизанском отряде в Запорожской области. Весной 1942 взят в

плен, вывезен в Германию. Бежал, был схвачен при переходе швейцарской границы и отправлен в концентрационный лагерь Маутхаузен, где на долю военнопленных выпали тяжелейшие испытания: изнурительная работа в каменоломнях, издевательства надсмотрщиков, жестокие экзекуции. В лагерном «аду» он пишет стихи на обрывках бумажных мешков из-под цемента. «Я не боюсь смерти, но я должен остаться в живых. Я должен рассказать людям о том, что творилось за стенами гитлеровских лагерей. После этого я умру спокойно…» – утверждает герой его рассказа «Цена жизни». Это и о нём, об авторе, который выстоял благодаря мысли: «Я должен рассказать…»

5 мая 1945 года узников освободили американцы. В декабре 1945, после второй госпроверки, Всеволода Остена восстановили в звании и направили в войска МВД СССР на Дальний Восток. В 1949 он уволился в запас и поехал в новую российскую область, где жили родственники жены. Но здесь, вслед за скорбным опытом пребывания в лагере смерти, в его жизнь пришёл опыт «отвержения», недоверия: дескать, был в плену – значит… Месяцы безуспешных поисков работы вынудили написать отчаянное письмо в «высокие инстанции». И тогда, наконец, он обретает возможность трудоустройства, получив направление в одну из районных газет.

Пишу «в одну из», потому что в то время, когда состоялось моё первое знакомство с творчеством Всеволода Остена, в попавших в мои руки статьях обычно так и значилось, без топонима и наименования органа печати. В принципе, для общего очерка биографии и творчества такая конкретика не была важна. И вдруг на страницах Черняховской газеты «Сталинец» за 1949 год я встречаю имя автора потрясшего меня рассказа «Цена жизни»! (Рассказ прочла в сборнике «Калининград литературный», изданном в 2002 году.)

Остен был в Черняховске? Как выяснилось, он здесь и жил, и работал: в районной газете «Сталинец» – с сентября 1949 года, в городской газете «Коммунист» – с февраля 1950 по декабрь 1953 (ответ в документах помог найти редактор газеты «Полюс + ТВ» Александр Рубченко). В сущности, это и были самые первые в области издания, где начал печатать свои статьи, заметки, очерки, фельетоны журналист Всеволод Остен. Писал о разном – о бюрократии и бюрократах, о подвижничестве и подвижниках, о халатности и разгильдяях, о самоотдаче в труде и энтузиастах… Он отражал своё время, следуя своим принципам.

Поработав «простым» литсотрудником (корреспондентом) недолгий срок, Остен был назначен заведующим отделом писем, а затем и ответственным секретарём. Вошел он и в литературную группу, созданную при газете несколько ранее, в марте 1949 года. При активнейшем его участии в «Коммунисте» стала выпускаться литературная рубрика со стихами и прозой местных авторов (до того в ней печатались произведения известных писателей, преимущественно лауреатов Ленинской и Сталинской премий). А его собственная первая поэтическая публикация появилась в «Коммунисте» 17 мая 1950 года (на пять лет раньше даты, обозначенной в биографических справках).

Впрочем, имя его в прессе встречалось не только в подписях под статьями. Он сам становился героем репортажей о горячих «баталиях» за шахматную корону в городе и районе, а одержав победу, шахматист 2-й Всесоюзной категории Остен включался в борьбу за лавры областного чемпионата.

Помимо документов и газет, «пролить свет» на «забытые» страницы черняховской жизни Остена, получить более объёмное представление о его характере помогли подаренные судьбой встречи с теми, кто его знал.

Калининградский писатель Анатолий Алексеевич Лунин, в то время самый молодой литсотрудник «Коммуниста» (он закончил в Черняховске школу и готовился поступать на журналистский факультет), говорил, что Остен казался ему человеком «пожилым», хотя в действительности тому ещё и тридцати не было. Сказывалась разница не в возрасте – в опыте жизни. Всеволод Викторович

наставлял, опекал юного коллегу, читал и правил его стихи, показывал свои. Это была настоящая школа творческого общения.

Лидия Николаевна Морева, соседка по дому, где жил Остен, вспоминала: «Он был мягкий человек, всегда подельчивый, любил поговорить, побеседовать. Расспрашивал людей, интересовался…» Дом был небольшой, в две квартиры; на первом этаже поселились Остены, на втором обосновались Моревы, первые переселенцы. Особнячок этот и ныне стоит на улице Черняховского, на северной окраине города, в посёлке, который до сих пор в обиходе нередко называют по-старому – Шприндт. Здесь многие знали друг друга, на работу – с работы вместе в автобусах ездили, и если Остен начинал что-то рассказывать, то, по словам Лидии Николаевны, «весь автобус заводил», народ до упаду хохотал. Надо сказать, в те годы жить в Шприндте было небезопасно: ночью могли нагрянуть грабители. И однажды Всеволоду Остену и Николаю Мореву, тоже фронтовику, пришлось «держать оборону», защищая семьи и дом от незваных «гостей». Помогло то, что выстрел в воздух из охотничьего ружья бандиты восприняли как серьёзное предупреждение и предпочли поскорее ретироваться.

После Черняховска В.В. Остен работал в газетах Гурьевска, Советска, Калининграда. Печатался, помимо областных изданий, в «Правде», «Литературной газете», центральных журналах. А в город, где начиналась его репортёрская работа, приезжал ещё не раз. Добрые отношения связывали его с Николаем Александровичем Беланом, работавшим в «Коммунисте» сорок лет, более половины того срока – главным редактором. Гостя приглашали на занятия литературного объединения. Вячеслав Адамович Бобрик, участник ЛИТО, рассказывал: «Где-то в конце 60-х позвонила из редакции “Коммуниста” ответственный секретарь Мария Игруева… сказала, что нужно обязательно быть на занятии литгруппы, потому что приедет Остен. Собрались несколько человек: я, Гречишников, Игруева, ещё кто-то. Запомнилось, что Остен много критиковал стихи и мои, и Гречишникова. Я сначала обижался, потом подумал: “Что ж обижаться? Человек дело говорит. У него – другой уровень...”» Тогда за плечами Всеволода Остена – наряду с горьким военным опытом, далеко не всегда безоблачным житейским, всегда беспокойным журналистским – был накоплен уже и другой опыт, литературный: в 1959 году в Калининграде вышла его книга стихов «Я хочу рассказать», в 1961 – сборник рассказов «Уцелевшие в аду». Было немало встреч с читателями, – одни радовали, а на иных звучали больно ранящие сомнением в его верности солдатскому долгу вопросы с подтекстом: почему в плен попал, да ещё жив остался?..

Время, захваченное войной, для его сердца не уходило в прошлое. Он понимал, как важна эта горькая память для настоящего. Он пишет повести и рассказы, которые публиковать было сложно. И всё же в 1986 году в Москве, в издательстве «Советский писатель», выходит его книга «Встань над болью своей». Она вызвала большой резонанс. «На это издание, – свидетельствует Валентин Зорин, – откликнулись многие столичные писатели и критики: В. Кондратьев и А. Вознесенский, И. Золотусский и А. Латынина, Василь Быков и Василий Белов, Б. Окуджава, И. Дедков. И конечно – читатели, потрясённые зарядом боли, мужества и мудрой исповедальности, идущим со страниц произведений В. Остена». Коллеги-черняховцы посвятили ему в номере «Коммуниста за 17 января 1987 года целую полосу: «У нас в гостях – писатель-земляк»…

Остену было свойственно открыто и прямо, быть может, даже резко высказывать свои суждения, когда дело касалось принципиальных вещей. Лукавство и «дипломатизм» были чужды человеку, побывавшему в «аду на земле» и познавшему цену жизни и смерти. Впрочем, «дыхание смерти» он ощутил не однажды и после войны: три инфаркта перенёс. Четвёртый случился 31 июля 1989 года в Светлогорске, где только завершил повесть «Прощай, Гаурид!». На этот раз сердце не выдержало. Переизданный в том же году в Москве сборник «Встань над болью своей» он уже не увидел…

В 3-м номере журнала «Знамя» за 1990 год его редактор Вячеслав Кондратьев в своей рецензии отмечает: «Поражает полная откровенность писателя и искренность. От первого лица писать трудно,

нет-нет да дашь себе слабинку, обрисуешь себя чуть лучше, чем ты на самом деле. Повествование В. Остена свободно от этих недостатков. Автор не щадит себя и ни в чём не оправдывает… В. Остен помнит всё досконально: и какие шил рукавицы, и какую еду удалось достать, и другие совсем вроде бы незначащие мелочи. Видимо, сам понимал, что если не расскажет об этом сам, то не расскажет никто».

Проза Остена представляется мне своеобразным «репортажем из прошлого». Развернутым во времени «репортажем-трагедией». У немалого числа писателей имелся в «творческом багаже» журналистский («репортёрский») опыт. Остен, пожалуй, в большей степени, чем кто-либо иной, подходит к «строительству» литературного произведения как журналист: пусть прибегает он к вымыслу, пусть целый ряд образов – плод художественного обобщения, – он верен факту, «привязан» к факту действительности. И это не от боязни, не от неуверенности в творческих своих возможностях. Им движет стремление к документальности, к неоспоримой достоверности «свидетельств обвинения» бесчеловечного в самой своей сущности фашизма, который был побеждён, но не умер. А чтобы монстр не обрёл вновь силы и не «прельщал» – он должен быть изображён с максимальной убедительностью. Жанр репортажа предполагает частые глагольные формы настоящего времени – тогда действие разворачивается как бы непосредственно перед глазами читателя, создается эффект присутствия. Вот почему Остен рассказывает о прошлом через «глагольное настоящее», позволяя другому, т.е. читателю, «присутствовать». Вот почему остеновское повествование «приковывает, заставляя испытать и пережить всё, что досталось на долю автора» (В. Кондратьев).

В 1995 году Калининградское книжное издательство выпускает сборник «Встань над болью своей», включив в него и другие повести и рассказы, а также замечательный очерк об Остене из книги Николая Сундеева «Те, кому выпало жить» (Кишинёв, 1990). Этот сборник появился в моей библиотечке много позже; он особенно дорог мне потому, что подписан верной спутницей автора – Зоей Дмитриевной Остен. Она и сама – автор. Как трогательно чисты и пронзительны в своей искренности её стихи из сборника «Без тебя, но с тобой…», посвящённые Всеволоду Остену. Для неё он – всегда настоящее: настоящая любовь, настоящий герой, настоящий мастер…

Жизнь – это прежде всего «здесь и сейчас». Но без памяти о прошлом она поверхностна, без работы на будущее – легковесна. Словом, не вполне «настоящая». И книги Всеволода Остена, в которых беспредельная боль не убила верности правде и жажды жизни, хранят память-предупреждение для нашего быстротекущего настоящего и для разных пластов неведомого будущего.

Козлова Светлана Александровна (Милена Миллинткевич) – родилась в Краснодаре.

В 1991 году окончила педагогическое училище. Последние годы ограничена в движении. Возможность заниматься литературным творчеством частично заменяет полноценную жизнь здорового человека. Творческие предпочтения - философская лирика, любовный роман, психологическая драма. Черпает вдохновение в редких прогулках по аллеям парков, скверов и бульваров «Маленького Парижа».

Фронтовой треугольник

Надя сняла очки, маску и с трудом выбралась из липкого СИЗа. Едкий пот струился по измождённому лицу, русым волосам с не по возрасту широкими прядями седины, застил глаза. Тщательно обработав руки, она устало шагнула в душевую кабинку. Горячая вода убаюкивала, медленно погружая в дрёму.

– Не спать! – встрепенулась Надя. – Не хватало ещё грохнуться и переломать руки-ноги.

Она потёрла вдавленный след от очков:

– 4 часа на отдых и снова в «зону».

Стоя под согревающими струями, Надя вспоминала прошедший день:

«Тяжёлая смена! Некогда думать о собственных сложностях и неудобствах. Нормы? Забудьте! Вирус коварен, затрагивает области, о которых сразу и не подумаешь.

Вот сегодня поступила пациентка: стабильная, контактная. Легче прочих. Не было возможности уделить ей много времени – тяжёлых пятеро.

Несколько раз порывалась зайти, но всё не выходило. Когда добралась до неё, слышу – рядом соседка кряхтит. Подошла. А у неё инсульт. Случился вот только что. Острый период – на глазах перекосило лицо, отнялась рука, нога. По счастью, я знала, как действовать. Пациентку тут же перевели в реанимационную палату. Мы сделали всё, чтобы её не потерять.

Нам повезло обеим. И ей, потому что я оказалась рядом именно тогда, когда больше всего была нужна, и мне. Словно какая-то сила целый день задерживала меня в пути. И это чудо! Чего не скажешь о другом пациенте.

Молодой мужчина. Такие в последнее время редкость – сопутствующих патологий никаких. Но запущенный. Занимался самолечением.

При поступлении был стабилен, а чутьё сработало. Позвонила в реанимацию, попросила приготовить место, и тут прибежала медсестра:

– Надежда Игоревна! Сазонов сознание потерял.

Реаниматологи примчались быстро. Но пациент угас на глазах. Я разговаривала с ним каких-то 5–10 минут назад. А потом… Тишина палаты оглушала. Меня трясло, словно на морозе. Неважно, молодой ты врач или с опытом. К смерти нельзя привыкнуть. Как сообщить родным?

В этот раз дольше обычного собиралась с духом, пыталась успокоиться. Но голос предательски дрогнул. Потом ревела в ординаторской. К смерти нельзя подготовиться.

Внутренняя ответственность не позволяет долго рефлексировать. После пандемии мы выйдем совершенно другими, как стали другими те, кто прошёл дорогами войны. Такие, как бабушка…»

– Я забыла позвонить! – словно ушат ледяной воды вылили на голову.

Выскочив из душа и наскоро обсушившись полотенцем, Надя схватила телефон. Утром было не до того, а теперь вся семья наверняка сидит за праздничным столом.

– Алло! Бабушка! Прости, родная, закрутилась совсем. Минутки не было присесть. С Днём Победы тебя и с юбилеем! – голос, в который раз за сегодня дрогнул.

– Ничего, детка! Ты не опоздала, – послышалось бодрое бабушкино приветствие.

– Ещё 5 лет и соточку отметим, да?

– Обязательно! Мы как раз режем торт и об этом говорим.

– Приеду как смогу. Обещаю!

– Я знаю, милая, ты всегда помнишь обо мне. А теперь не трать драгоценные минутки. Иди, отдыхай. После поговорим.

Трубка замолчала.

– Всё ты понимаешь, родная.

* * *

Отключив телефон, бабушка вздохнула и присела у стола. Вся семья смотрела на неё. Ждала.

– Тётя Надя не приедет? – нарушил молчание Ваня, младший внук.

– Нет! У Наденьки очередной бой.

Бабушка задумалась, уносясь мыслями в далёкое прошлое.

– Скажете тоже, мама – бой! Она же не на войне? Просто дежурит в больнице, – хмыкнула младшая невестка. – Давайте торт есть. Чай стынет.

– Пфф! Тебе всё – «просто».

Бабушка недовольно фыркнула, тяжело поднялась и пошла к шкафу. Долго рылась в ящике, пока не достала потёртую плоскую коробку.

– Когда рвалась на фронт, мне тоже говорили «это несерьёзно». Мол, «на завод иди, проку больше будет». Думаете, легко солдат под обстрелом с поля боя вытаскивать?

Она присела к столу, коробкой отодвинула тарелку с тортом и сняла крышку. Внуки повставали с мест.

– Что там у тебя, бабушка? – спросил Ваня.

– Свидетели моей юности. – бабушка достала пожелтевшие фронтовые треугольники.

– Эти письма непросто весточками из дома. Они словно пилюли от боли и страдания. Прогоняли отчаяние. Придавали сил. Мужества. Вот это – бабушка положила на стол треугольник, с бурыми пятнами и чёрными полосами, скрывавшими часть текста, – первое. Получила, когда из тылового госпиталя перевелась на фронт. На нём кровь командира разведчиков. Еле дотащила, израненного. Врачи удивлялись, как он, разорванный в клочья, выжил?

Бабушка достала ещё один, расправила повреждённый уголок и вздохнула:

– Вот у этого краешек подгорел. Чудом нашло меня. Машину почтальона разбомбили, он погиб, но письма уцелели. Спасибо партизанам.

Внуки, облепив бабушку, с любопытством глазели на её «сокровища». А она вытащила из-под стопки странный треугольник. Рука дрогнула. Бабушка положила письмо на стол и слегка прикрыла ладонью.

– А вот это последнее…

– А почему в нём дырка? – перебил Ваня.

– Это след от пули. Мы тогда быстро продвигались вперёд. Полевая почта долго искала наш полк. Под Прагой нашла. Не успела я сразу прочитать, положила в карман гимнастёрки. А тут бой. Меня ранили, когда выносила из-под обстрела солдата. Совсем ещё мальчишка, не старше меня. Больно было, кровь текла – не остановить, но я не бросила его. Дотащила. За то и медаль «За Отвагу» получила.

– Ты об этом никогда не рассказывала, – удивился Игорь, старший сын.

– Так я же «несерьёзным делом» занималась. Война – это так… «просто» – бабушка покосилась на младшую невестку. – В санитарки ведь «за женихами» шли. Так у нас говорили.

– А что потом? – не унимался Ваня.

– Победу встретила в госпитале. Потом институт и 51 год сперва военврачом, потом в областной больнице. И сейчас бы работала, да суставы с законами не позволяют. – Бабушка убрала коробку с письмами и тяжело вздохнула. – Не привыкла я сиднем сидеть.

– Военврачоом! – потянул другой внук, Женька. – Это что же, ба, ты ещё на войне была?

– Да! И тётя твоя на войне. Только мы врага в лицо знали. Слышали его окрики, видели перекошенные злобой физиономии. И как бежали они с поля боя, когда наша артиллерия накрывала шквальным огнём, тоже видели. Трудно было. Но Наденьке тяжелей в разы. Её враг незримый. Не разглядеть. Не услышать. Не почувствовать. И то, что она каждую смену спасает десятки жизней, это подвиг? За него не дают орденов и медалей. Но спасённая жизнь куда более ценная награда. Жаль, не все это понимают.

За столом притихли.

– Мы понимаем, – неуверенно кивнул Женя. – Ты потому и пошла на врача? Людей спасать? – он посмотрел на молчаливую Машу, дочь тёти Нади, скромно сидевшую в углу.

– А ты как думаешь? Самое ценное, что у нас есть – жизнь, – бабушка потрепала за волосы мальчугана. – Лишиться её и раньше было легко. Теперь подавно. Вон, Надя. День-ночь-сутки-прочь! Не вылезает из госпиталя. А ты знаешь, скольких она похоронила? А скольких спасла?

– Нет.

– И не узнаешь. Не принято считать.

– Бабушка, а правду говорят, что у каждого врача своё кладбище? – подала голос Маша.

– Где ты такое слышала? – Игорь удивлённо уставился на внучку.

– Мама папе говорила, когда думала, что меня рядом нет, – смутилась Маша.

Бабушка вздохнула, расправила юбку, утёрла сухими пальцами одинокую слезу и тихо ответила:

– Да! Но туда попадают не все. Лишь те, чья смерть на совести врача.

– И у тебя такие есть? – Ваня испуганно покосился на бабушку.

– Чего пристали с расспросами? – не выдержал отец мальчишек. – Идите играть.

– Нет! Погоди. Ни один вопрос не должен остаться без ответа. Ты спрашиваешь, внучок, есть ли на моей совести жизни? Есть одна. Я поздно заметила у пациента реакцию на препарат, он впал в кому и умер.

– Мама! Сколько повторять, не было твоей ошибкой, – перебил Игорь. – Он утаил наличие аллергии. Не вини себя.

– Утаил или нет, а я должна была предусмотреть.

– Нельзя учесть всё. К тому же сама говорила, причина того, что отвлеклась, была веская.

– Верно! – бабушка усмехнулась. – Ты на два месяца раньше срока запросился на свет.

– Да, я торопыга. Захотелось поскорее увидеть, продолжателем чьего дела стану, – Игорь заулыбался, но тут же посерьёзнел. – Теперь нас сменила Надя.

Бабушка промолчала, только ещё больше ссутулилась.

*** * ***

Смена почти закончилась. За окном появились первые проблески рассвета. Сложив в стопку описанные истории, Надя задумалась:

«Троих с трудом, но удалось вывести из критического состояния. Одна пациентка так испугалась приступа, что хватала за руки и, с мольбой заглядывая в запотевшие стёкла маски, просила: «Не бросай меня! Только не уходи!» Хоть бы приступ не повторился. Её сердце вряд ли вынесет ещё один.

Дедушка, что поступил три смены назад вместе с парализованной бабушкой, всё же умер. Как ни пытались его отговорить, как ни просили поберечься, он всё отключал кислород и бегал в соседнюю палату ухаживать за женой. Сыновья запретили ей сообщать, решили, что сами скажут. А она полночи его звала.

Передам по смене, чтобы не отвечали на расспросы, почему он не приходит, но много ли времени пройдёт, прежде чем она догадается, что случилось? Что с нею станет и так понятно. Это же надо! Какая трепетная любовь! Жаль, что вот так всё… И какое горе детям...»

…С трудом переставляя ноги, Надя вошла в квартиру. Вырваться из круговорота, чтобы поздравить бабушку с праздниками так и не получилось. То смены тяжёлые, то коллеги заболевшие. Упаси Бог привести ей такой «подарок». Утром получила результаты теста. Отрицательно. И впереди двое суток выходных.

– Отдохну, куплю торт и поеду День медика отмечать.

Настойчивый звонок в дверь спугнул окутавшую плечи дрёму.

– Распишитесь! – курьер в маске и перчатках сунул в руки планшет и, получив заветную подпись, вручил конверт и букет.

Красивый – ромашки, васильки, жёлтые розы…

– Бабушка! Только ты помнишь, какие цветы я люблю.

Она устало присела на диван и открыла конверт. Внутри лежал треугольник, сложенный из тетрадного листа в крупную клетку.

С детства бабушка писала и складывала для неё такие записочки. Знала, Надя не любит их разворачивать, но всякий раз повторяла:

– Усидчивость – твой самый лучший друг и помощник. Она залог будущих побед.

Надя злилась, пока не привыкла. А потом бабушка рассказала про войну и как получала из дома долгожданные треугольники.

На письме неровным бабушкиным почерком было выведено:

Врачу-инфекционисту Славиной Надежде Игоревне,

Ковидный госпиталь города Ждановска,

Полевая почта 170621.

– А ведь и правда, номер почты сегодняшней датой отметила. Праздничной!

Надя развернула треугольник и прочла:

«Дорогая моя Наденька!

Надеюсь, это письмо предаст тебе сил, как поддерживали меня на фронте весточки от родных. Я знаю, через что ты проходишь теперь. Понимаю, как страшно тебе на этой войне с вирусом: за нас, за пациентов, за себя.

Я тоже боялась, когда семнадцатилетней девчонкой попала на фронт. Обстрелы, бомбёжки, искалеченные бойцы... Всюду кровь и смерть. Сон урывками. И страх. Обжигающий. Дикий.

Бывало, ползу под обстрелом, тащу раненного, а фашисты рядом. Вот-вот заметят. В тот момент страх сменяла ярость. Я знала – враг не отступит. Чтобы его победить, нужны солдаты – здоровые, крепкие, сильные духом. А я должна сделать всё, чтобы поскорее вернуть их на фронт.

Твой враг иной. Тихий. Неприметный. Ты бьёшься с ним каждый день и не знаешь, быть может, он уже стоит за твоей спиной. Но ты справишься! Ведь сражаешься не за себя, а за десятки жизней, что, сменяя друг друга, ждут твоей помощи. И даже если враг подступит совсем близко, ты не сдашься, как не сдалась я. Ведь у нас с тобой одно дело – было, есть и будет – спасти как можно больше людей.

С праздником, моя дорогая Наденька!

Будь всегда стойкой, сильной и отважной!

Неси людям надежду и жизнь!

Я горжусь тобой!

С любовью, бабушка!»

Надя свернула треугольник и зарыдала. Солёные слёзы разъедали глаза. В горле застрял удушающе–горький ком. Не было ни сил, ни желания сдерживать потоки боли и накатившей тоски.

Она ещё не знала тогда, что этот фронтовой треугольник последний. Через месяц бабушка умрёт от пневмонии. В её госпитале. У неё на руках. Умрёт, как и днём ранее заразившая её почтальон.

Воронин Дмитрий Павлович – родился в 1961 году в г. Клайпеде Литовской ССР. Автор нескольких сборников прозы. Его рассказы публиковались в России, Белоруссии, Украине, Молдове, Казахстане, Эстонии, Германии. Член Конгресса литераторов Украины. Лауреат престижных всероссийских и международных конкурсов. Член Союза писателей России. Живёт в пос. Тишино Калининградской области.

Заруська

За уютным столиком летнего кафе на старой могилёвской улице сидели два пенсионера и тихо беседовали.

— А помнишь, Паша, девчушку такую смешную, что прибилась к нам в тумане за сутки перед тем, как мы на тутошней окраине окопались? Маманя у неё где-то в отступлении при бомбёжке потерялась, а папаша вроде как тоже воевал. Сама росточка маленького, худенькая и косички в разные стороны, а в них ленточки то ли синие, то ли зелёные, не помню уже, вплетены.

— Красные, Семён, красные.

— Может и красные. Нос задран и весь в веснушках, да и имя такое странное, на Маруську схожее.

— Заруська.

— Во-во, Заруська, она самая, — засмеялся Семён. — Заруська-беларуська. Мы её еще все пытали, какой она национальности. А она все хохлилась, да так удивлённо выговаривала: «Ну что ж вы глупые-то такие! Беларуська я, кто ж еще?». А мы смеялись: «Так вроде нет таких имён среди белорусов». А она в ответ с возмущением: «Ну как так нет, если вот она я, Заруська!». «А может, всё же Дуська? - спутала ты». — « Сами вы Дуськи, — обижалась. — Ну как спутала, коли мамка так звала, и тятька. Совсем уж вы глупые!».

— Да, было дело, — улыбнулся Павел.

— А ведь ей сколько было-то тогда, лет тринадцать, четырнадцать? Интересно, какая она теперь, Заруська эта?

— Какая? — посуровел взглядом Павел. — А такая же. Ничуть не изменилась.

— Это как так?

— А вот так. Слушай, — закурил папиросу старик. — Как немец-то на Могилёв двинул, тебя вроде в тот же день подранило, так?

— Так, — согласно кивнул Семён, — в правое плечо. Очнулся в госпитале дня через три.

— Свезло тебе. Днем-другим позже — все, захлопнулась бы калиточка. И мышь не проскочила бы. Взял в кольцо нас немец, плотно взял.

— Знаю, — погрустнел товарищ. — Как сам выбрался-то?

— А вот об том и речь, — примял первую папиросу старый солдат и закурил вторую. — Сколько раз на прорыв пытались чуть ни всей дивизией, и все без пользы, только смертей полнёхонько. И тогда приказ вышел — прорываться малыми группами. Нас ротный собрал, кто остался, человек двадцать, да с другой роты столько же, ну и двинули в ночь. А утром, когда до очередного леса десять шагов осталось, на нас немцы и выкатили. А может мы на них сдуру нарвались, без разведки ведь шли, всё на глазок, да на авось. Вобщем, плохо дело приключилось. Немцев-то ни так уж и много чтобы, но ведь у каждого автомат, да ещё с танком впереди. А у нас что? Окромя винтовок, да гранат рпэгэшных и нет ничего. Так с гранатой еще до танка добежать надо, а кто ж позволит-то? В миг на гашетку, и все, алес капут. Залегли в поле в траву, ждем. А чего? Смерти, наверное. И тут глядь, Заруська наша встала в полный рост и к немцам пошла. Не побежала, нет, а так, спокойно пошла. Идет и руку вверх подняла.

— Сдаваться, что ль? — ахнул Семён.

— Да слушай ты, — рассердился Павел. — Какой сдаваться? Одну руку подняла, вторую, полусогнув, на поясе держит. Идёт так и ладонью помахивает из стороны в сторону, ну вроде как то ли приветствует немцев, то ли останавливает. Немцы и остановились. Ждут, смотрят на неё удивлённо. Им, видать, как и нам, не понятно стало, что происходит. Заруська-то издали ребёнок ребёнком. Вот так она почти в полной тишине до них и дошла. Мы молчим, не понимаем, они молчат, не понимают, и только мотор у танка работает. И вот когда до него пара-тройка метров осталась, Заруська руки опустила и тут же правую снова подняла, но уже с гранатой.

— Как так? — поразился Семён.

— А так! Сами обалдели, — нервно затушил папиросу Павел и тут же достал новую. — В этот-то момент наш ротный да как заорет таким голосом, вроде как удивлённым и упреждающим, мол, что ты, зачем: «Зару-у-ська-а!». И тут же взрыв, да такой — башню от танка напрочь, словно косой по траве на утренней зорьке. Немцев вокруг всех разметало, как осеннюю листву ветром. Куда уж она умудрилась попасть той гранатой, совсем уж непонятно, чтобы вот так, как былинку, башню смело.

—Да быть такого не может, чтобы от гранаты какой-то и махину такую снести! — присвистнул Семен.

— Конечно, не может. А вот снесло. У нас у всех от невидали такой глаза на лоб повылазили, да волосы дыбом встали, — закурил все ж третью папиросу Павел. — И вот тут-то началось, тут-то с нами что-то и вышло. Поднялись мы с земли как один, без всякой команды да с какими-то дикими, пожалуй, звериными криками — и вперед. Кто орет: «За Руську!», кто: «За Русь!», кто: «За Белоруску!», кто: «За Беларусь!». В миг до немцев доскочили, а они как чумные, будто из ваты, без всякой воли оказались. Смяли мы их и ушли…

Павел замолчал.

— А как же Заруська? — осторожно прервал затянувшееся молчание однополчанина Семён.

— Погибла, конечно, — тяжело вздохнул Павел. — Взрыв-то, какой был, мы ведь её так и не нашли. Но имя-то, имя — За-Русь-ка! Как оно на нас, у-ух! И сегодня мурашки по телу. Вышли мы из окружения, и пока нас особисты проверяли, все про танк, да про девчонку нашу героическую говорили. Каждый день к ней разговорами возвращались. И про то, как она к нам нежданно прибилась, и про то, как ушла от нас. Ведь ничегошеньки не нашли, даже ленточек тех самых, красных, такой плотный туман вдруг после нашей атаки все кругом окутал. И про имя её необычное, всё догадки строили: а как полностью-то? Никто же не спросил у неё, как по метрике величать. Рассуждали: а что, если б просто Маруськой девчонку звали, встали бы мы, совладали с немцем? И еще один факт, хошь верь, хошь нет. Узнавал я после войны судьбу тех, кто тогда со мной из окружения вышел. Так вот, ни один не погиб, все домой целыми вернулись, будто всем нам Заруська ангелом-хранителем оказалась, а может и вся Русь вместе с ней.

Гаммер Ефим Аронович – родился в 1945 году в Оренбурге, закончил отделение журналистики Латвийского госуниверситета в Риге. Армейскую службу проходил в Калининграде, затем был журналистом морской газеты, ходил в арктические плавания. Автор 27 книг. Лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству. Член израильских и международных союзов писателей, журналистов и художников. Живет в Иерусалиме.

Боль солдата

Только под вечер дед Наум вернулся домой.

Был он худ и сморщен. Одет в изжеванный пиджачишко защитного, по его мнению, цвета и в линялые, прежде синие брюки, с пузырями на коленях.

Нетвердые шаги довели деда Наума до тумбочки с узорчатой бумажной салфеткой. Она стояла в изголовьи кровати, застланной по-солдатски «конвертом».

Дед привалился к жесткой подушке, подумал вполсилы: сколько годочков ему уже настукало? Пятьдесят пять, угадал правильно. И полулежа отстегнул медали. Поднес их к близоруким глазам, будто уверялся в полной сохранности своих реликвий. «За отвагу». «За боевые заслуги». «За оборону Сталинграда». И ему казалось, что вместо медалей он видит старшину Коркина с разодранным в крике ртом. Видит, как этот крепыш в заляпанных глиной керзачах вымахнул на бруствер траншеи, замер там на какое-то мгновение и побежал, оскальзываясь, вместе с другими автоматчиками по вспаханному дождем полю. А он, Наум, прильнул к станкачу, наслаивает очередь на очередь и за грохотом пулемета не слышит невнятного бормотания «Юнкерса». Не слышит... И перелом жизни, по самому хребту. Контузия оглушила его, одарила немотой и дрожью пальцев. И, значится, по прибытии домой, в Киренск, ружье на гвоздь, а в тайгу лишь за кедровым орехом.

Со временем речь и слух вернулись к нему. Живи и радуйся! Но как жить, чему радоваться, когда по зловредным языкам растекается молва, что беспрестанная дрожь его пальцев вспоена не взрывной волной, а милашкой-граммуличкой. Обзаведись даже медицинским справочником, не докажешь молве свою правоту: пущена неведомо кем, сила в ней убойная, и излету ей нет. Вот и бубни, принимая стаканчик, про «жизнь огорченную». Даже сегодня, в День Победы, в день

рождения своего, когда притертый к графинчику на праздничном столе, он полнил рюмочку, не обошлось без этого. А отвратная же работа – оправдываться, виноватить бомбу и, горячась, под ухмылки и реплики собутыльников реабилитировать сподручницу-белоголовку.

– Я это... с ней накоротке, паря. Не наркомовская норма... это... меня шибает по пальам-гулянцам. А контузия, мать ее!..

– Конечно, контузия, дед Наум. Конечно!.. Если трахнуть разок бутылем по темечку, будет тебе и контузия.

– Ну и дурак ты, Васька! – Дед Наум за рюмку, как за последнюю обойму. А медали его – усердно позванивать, словно вели перебранку с насмешником. – Иди в военкомат. Там тебе майор Степанов растолкует, как справно воевал сержант Гольдин, Наум Давидович.

Васька тыркнул деда Наума в ребро, сказал назидательно:

– Сержант Гольдин, как мне известно из особых источников, справно бегал от фрица. До самой Москвы. Чтобы на октябрьские покрасоваться на параде. У Сталина на виду.

– Про Сталина не скажу. Чего это ему уличать меня на параде. А вот насчет «бегал»... Тебя бы, дуролома, не на танцы-гулянцы, а туда, в сорок первый.

– Сам сиди там. И не высовывайся.

Васька любил представлять себя стратегом, умеющим разбираться в оперативных оплошностях начального периода войны. За эти ошибки он и кроил деда Наума, будто именно он, сержант Гольдин, личной волей своей разоружил старую линию укрепрайонов, передвинул ее к новым границам, к неподготовленным для обороны рубежам, и тем самым дал возможность немцам докатиться до белокаменной.

Дед Наум скорбел от таких слов. Не Главком, пулеметом командовал.

– Смотри сюда, Васька! – Он хлопнул себя по груди. – Вот! Это... «Отвага». Не за красивые глаза, да! Мне ее тогда, в отступлении... А медаль образца сорок первого года... Эх, ма! Не твоя даровая брызгалка – «Двадцать лет Победы...»

Дед Наум гневно подрожал руками у лацкана чужого пиджака. И сорвал бы медальку, родом из 1965 года, если не привитое с измальства уважение к награде.

– Не кипятись, отец. – Васька отвел его руки к графинчику. – Прими стопоря. Полегчает…

Может, и впрямь полегчало деду Науму от привычной рюмочки. Может, полегчало от столь же привычного перезвона медалей. И он, закусив маринованным грибком, повторил:

– Иди в военкомат, дуролом. Там тебе растолкуют.

– А мы и без военкомата. Здесь. Возьмем да проверим Наума Давидовича.

Васька провел зажёлктым от табака пальцем по медалям деда. Но они глухо молчали. Не отзывались переливчатым звоном на странную ласку.

– Ишь ты, здесь, – дед Наум выволокся из внезапного недоумения. – Войну, что ль, организуешь?

Ну и Гитлер!

– Войну – не войну. Но маленькое сраженьице гарантирую. Понимаешь... – Васька привлек деда Наума поближе к себе. – К нам, понимаешь, комбинатчикам бытобслуги важнец-бумага пришла. Из Иркутска. Будем шить шубы из собачьего меха.

– Ну и шейте. А сражение твое причем?

– Не допонимаешь! Материала-то нет! Жди его с нарочным. Когда еще прибудет. А план уже спустили. Дошло? Не-а? Да что тут непонятного? Этот «материал» бегает по нашим улицам в неограниченном количестве. Бери тулку и устраивай себе великий отстрел собак.

С некоторой брезгливостью дед Наум высвободился от Васькиного захвата.

– Ты это брось! Не на танцах-гулянцах, паря.

– Э-э, выходит, слаб ты на кишку, сержант Гольдин, Наум Давидович.

– Я бывало на медведя ходил.

– А кто у нас не ходил на хозяина? Поговори, так каждый, оказывается, ходил. Включая и безногого Силыча.

– Да ведь это... ноги свои он потом захоронил. Под Берлином. А медведя мы с ним...

– Ладно, отец. Медведя... Чего же ты тогда собак испугался? Блохастые твари, заразу разносят, гигиену нам разрушают. Пристрелить их – это чистый навар для общества. – Васька обернулся к соседу по столу. – Правильно, а? Петро!

– Сто процентов, – отозвался Петр. И тут же, залив свои «сто процентов» горячительным градусом, добавил: – Но не на его двор твои уговоры. Руки у него трясутся.

– Это ты брось! – возмутился дед Наум. – Я на фронте, когда затишье, в снайперы перебирался из максимистов.

– Вот и покажи нам, отец, – горячо сказал Васька, – сержанта Гольдина. Любо посмотреть на него в справном состоянии. А дедом Наумом потчуй после, за белой-разливной, картошкой в мундире и малосольной кондёвкой.

У Наума Давидовича подсластилось под сердцем. Он себе летуче понравился: этакий живинький, бравонький, легкий на подъем. Встал над столом, уронив вилку с фаянсовой тарелки на пол.

– Ну как?

– Огурчик!

Солнце стлалось у самого горизонта. Полыхающее, высвечивало дальние пятистенники.

Они завернули к Ваське, за ружьями. И направились к стародавней помойной яме, облюбованной бродячими сабаками. Как мнилось деду Науму, и собаки должны были воспользоваться выгодой от повсеместного пиршества. Однако не домыслил: отбросов сегодня куда больше, чем обычно. Вот бездомное племя и не растеклось по задворкам, а стягивалось сюда, к мусорной куче, на дурманные

запахи.

Васька торкнул деда Наума локтем в бок.

– Сколь ходового материала, а?

Дед Наум, ощущая сосущую пустоту под ребрами, взвел курки. Взгляд его остановился на каком-то чахоточном кобеле.

Но Васька удержал дедовы стволы крепкой рукой кожемяки.

– Ты на шкуру глаза разувай. На шкуру. А у этой твоей псины – шкуры, как от козла молока. Вон, погляди, правее. Ценная шкура пасется.

– Сучку нельзя! – мотнул головой дед Наум. – Рядом с ней – ишь ты! – сосунки балуют.

– Ты это брось, отец. Сосунков жалеть, доху не кроить.

– Сучку нельзя!

– Э-э, дед Наум, – с сожалением протянул Васька. – Выдохнулся из тебя сержант Гольдин. Слеза в глазу, слюна во рту, в душе маразм да трусость.

– Не шали! Я тебе не мальцы-гулянцы, окстись, пакостник...

Дед Наум вновь поднял двустволку. Притер её к плечу. Охватил прыгающим пальцем спусковой крючок. Повел ружьём вдоль добротной шкуры, вывел к вопросительно повернутой к нему мордашке. Выцелил зрачок. Но этот зрачок, живой, с материнской теплынью, затянутый мутной поволокой, как бы наплывал, разрастался в озеро, полное добра и света. И мушка отказалась служить, запрыгала, точно контузия, искалечившая его, затронула и ее тоже. Неприятная оморочь окутала его мелким ознобом, предрекая нечто уже знакомое, и оттого страшное. Что? Дед Наум не успел осмыслить это «что», как гуттаперчевые пробки, исчезнувшие из ушей, снова заполняют их, пресекают потявканье щенков и злое урчание облезлого кобеля. Последнее, что он услышал, это:

– В Ташкенте ты воевал, дед Наум, а не...

Выстрела он не услышал. Но увидел, как пламя вырвалось из Васькиного ружья, и мохнатая тунгусска дернула головой, вываливая из расколотого черепа серых мозговых червей вперемежку с кровью.

– Не балуй! – вскричал дед Наум, не слыша собственного голоса.

Тулка, выбитая из рук Васьки старым солдатом, воткнулась стволами в помойную яму. Васька шагнул было к ружью, но, растеряв в резком движении всю свою хмельную отвагу, нерешительно оглянулся. На него угрюмо смотрел сдвоенный зрачок «бельгийки». Дед Наум, бывший сержант Гольдин готов был стрелять.

... В День Победы, в день собственного рожденья, когда весь Киренск в этот вечерний час хороводил в пиршеском раздолье, дед Наум сидел дома один, прислоняясь к жесткой подушке. Наушники, подвешенные над изголовьем кровати, были для него немы. Хриплому голосу московского диктора не удавалось пробить пробку глухоты.

Дед Наум вновь пристегнул к изжеванному пиджачку, защитного, по его мнению, цвета свои награды и, поднявшись с одеяла верблюжьей шерсти, медленно пошел к двери, так и не услышав желанного перезвона медалей. Пошел на улицу, туда, где в зарождающихся сумерках дожидались его осиротевшие щенки.

А вдогонку, когда он захлопывал за собой дверь, пулеметными строчками ударило из наушников:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете, как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

Дейнега Галина Николаевна родилась в городе Орле. Окончила КГПИ (Краснодар). Работала во ВНИИНефть и в ВЦ Главка «Азчеррыба». Окончила аспирантуру ВНИРО (Москва). Кандидат технических наук. Член всеукраинского союза писателей-маринистов, Российского союза писателей, Регионального союза писателей-маринистов республики Крым и Севастополя, Севастопольского литературного объединения им. А. Озерова. Автор нескольких сборников повестей и рассказов. Финалист и дипломант многих значимых конкурсов. С 1968 живёт в Севастополе.

Мальчик и девочка

Юбилей Михаил Сергеевич отмечал широко. Среди множества подарков самым дивным оказалась картина с морским пейзажем. Она напомнила о несбывшейся мечте юности.

Заканчивается 1940 год. Михаил учится в выпускном классе. Обстановка в мире сложная. Страны одна за другой втягиваются в мировую войну.

Комсомольцы массово откликаются на призыв: «Молодёжь! В военные училища!» На экранах страны идёт фильм «Моряки», рассказывающий о возможной войне на море.

С первых кадров под звучавшую с экрана песню: «Это мы, краснофлотцы -часовые советских морей», Михаил почувствовал родную стихию. Получив в военкомате комсомольскую путёвку во вновь созданное в Севастополе Высшее военно-морское училище, стал готовиться к поступлению.

21 июня 1941 года – выпускной бал, а 22 июня прозвучало самое страшное слово: «война».

Михаила определили в пехоту. Предстояло прощание с родными, с любимой девушкой.

Впервые Михаил взял Регину за руку, когда ему было четыре года, а годовалая соседская девочка училась ходить. С тех пор они шли по жизни, держась за руки. Эту пару называли «мальчик и девочка». Постепенно детская дружба перешла в притяжение, мощную силу, умножающую лучшее, что есть в человеке, всё объясняющую и дающую смысл жизни.

Фильм «Моряки» пара смотрела несколько раз. Регина, обладая красивым голосом, часто напевала песню героини фильма:

Чайка смело пролетела над седой волной,

Окунулась и вернулась, вьётся надо мной.

«Ну-ка, чайка, отвечай-ка: любит или нет?

Ты возьми-ка, отнеси-ка милому привет».

Однажды девушка решительно заявила Михаилу:

— А я просить никого не буду, сама обернусь чайкой и последую за тобой.

Регина готова проводить Михаила на учёбу, но она, как и никто другой, не готова провожать любимого на фронт. Накануне отъезда ей приснилась мёртвая чайка. Расспросила бабушку: к чему это? Та посоветовала забыть сон. Мёртвая птица — к долгой разлуке.

Тысячи километров разделили любящие сердца. Письма на фронт и с фронта приходили не часто. Как они радовали! «Мой любимый! Мой единственный!» — читал и перечитывал Михаил, и эти слова укрепляли веру в победу. Он спешил дать ответ ласковыми словами.

А в августе 1943 года пришла «Похоронка». Нет Миши. От невыносимой боли весь мир для Регины опустел, стал бессмысленным. Вскоре её семья покинула Новосибирск.

Михаил, получив тяжёлое ранение, потерял сознание. Нашли его в лесу сельские мальчишки. Притащили к знахарке. Раненый бредил морем, звал чайку. Когда очнулся, знахарка спросила:

— Моряк? Как это война тебя с морем разлучила?

— Моряком я мечтал стать, да война помешала. Море только в кино и видел.

— А почему в бреду чайку звал?

— Приснилась. Дорога просёлочная, дальняя, пыльная. Иду. Впереди густой туман. Он и манит, и страшит. Слышу за спиной крик. Повернулся. У дороги чайка сидит. Обжигаюсь об её не птичий взгляд. Она взмахнула крыльями,

полетела прочь от тумана. Я побежал за ней.

— Спасла тебя чайка. Жить будешь.

Госпиталь и снова фронт. Часто во сне парень видел чайку с выразительным взглядом. Она парила то в ясном, то в облачном небе, иногда сидела на крыше, но никогда он не мог определить местность.

Закончилась война. Михаил вернулся в Новосибирск. Куда уехала семья Регины, никто не мог ему объяснить. Во многие города он отправлял запрос. След его девочки затерялся.

Михаил страдал, но со временем смирился с судьбой. И хотя ни одна

женщина не вызывала в нём того чувства, какое он испытывал к Регине,

женился и тут же сказал жене: «Если найду свою девочку, извини, уйду к ней».

Шли годы. Сменилось столетие. Дети выросли, жену похоронил, вот и самому уже восемьдесят. И вдруг такой подарок. Он взбудоражил память,

заставил пересмотреть и переосмыслить прошлое.

Непонятный звук привлёк Михаила в комнату, где находилась картина. То, что он увидел, не могло бы представить самое пылкое воображение. Зрелище поразило его величественной красотой и благоуханным ароматом. Вместо картины — распахнутое окно, а за окном — безбрежное живое море. Оттуда веет свежестью, доносятся крики чаек и приглушённый рокот волн. На

колеблющейся поверхности воды вспыхивают ослепительные блики.

Мужчина залюбовался видом, не испытывая ни потрясения, ни страха, ни даже удивления — только тихий восторг и блаженство. Вдруг одна из чаек

стала приближаться к распахнутому окну, но глаза мужчины затуманились, жизнь за окном замерла и оно вновь превратилось в картину.

Может это сон? Нет! Произошло нечто странное, так похожее на явь, что все мельчайшие подробности действительно совершившегося факта, полные

сложного значения, отчётливо рисовались в мозгу Михаила, и он поспешил в тот мир, что предстал перед ним.

Михаил не мог уйти из жизни, не побывав в Севастополе. Казалось, что нет сил на столь далёкое путешествие за четыре временных пояса, почти за пять тысяч километров, но голос рассудка всегда слаб, когда начинает размышлять сердце. Жизнь так и устроена, что для страстного желания человеку даётся

сила, достаточная, чтобы осуществить задуманное.

Всё сошлось в том августе. Удача! Да ещё какая!

В Севастополь Михаил прибыл вечером. В центре города облюбовал

гостиницу с таким же названием. Свободных мест нет! Но импозантному

мужчине, участнику Великой Отечественной войны администратор пошла

навстречу, поселив в номере, что оставляют для особого случая.

Выйдя из гостиницы, Михаил оказался на Приморском бульваре. Вот оно — самое синее в мире Чёрное море в белом кружеве пены волн. Таинственное,

необъятное, постоянно меняющееся, волнующее душу и не оставляющее

безучастным сердце.

Михаил впитывал аромат моря, слушал шум прибоя, говор чаек. Восторг и блаженство снова стали для него частью великого морского пейзажа.

Заходящее солнце расплескалось в небе и розовые облака несли в себе его уходящий свет. Вот солнце уже скрылось за горизонтом и вечерняя заря

овладела меркнувшим небом, разлила по нему множество красок от червонного золота до бирюзы и медленно перешла в сумерки. Сумерки сгустились, и

синева неба затрепетала живым отблеском звёзд.

На следующее утро Михаил отправился в училище. Вахтенный на

проходной, узнав, что ветеран войны специально приехал в Севастополь

посмотреть училище, в которое намеривался поступать, да планы спутала

война, позвонил в учебную часть, объяснил ситуацию и получил разрешение пропустить гостя. Подошла женщина с пропуском.

— Наша преподаватель, Регина Петровна, — представил вахтенный. — Она проводит вас.

Следуя за женщиной, Михаил Сергеевич заметил:

— У вас красивое имя. Редкое.

— Почему же редкое. У нас работал профессор. У него жена тоже Регина.

— Я всю жизнь ищу Регину Степановну, родом из Новосибирска. Нас

разлучила война.

— Может это она? — в задумчивости остановилась женщина. —

Степановна. Из Сибири. У меня есть телефон и адрес. Дом у остановки.

— Спасибо! Спасибо вам! — не скрывая радости отблагодарил Михаил женщину, предоставившую ему информацию.

После экскурсии по училищу Михаил Сергеевич вернулся в гостиницу,

прилёг отдохнуть. Его охватило волнение. Столько лет искал, мечтал, перестал надеяться и вдруг. Если это она, то помнит ли своего мальчика? С кем живёт?

Позвонил.

— Алло! — услышал он женский голос.

— Добрый день! Я из Новосибирска. Ищу Рину, — Михаил назвал женщину детским именем и замер в ожидании ответа.

На другом конце раздался глубокий вздох. Тихий голос спросил:

— Кто вы? Ваш голос напомнил мне друга детства Михаила, но он погиб в 1943 году.

— Нет! Не погиб! Случалось, что «Похоронки» оформляли ошибочно. Я выжил и все эти годы искал свою Рину.

Пауза. Волнение у обоих. Оба растроганы как все пожилые люди, когда им напоминают об их молодости. Оба слышат биение своего сердца.

Регина покачала головой, чтобы рассеять путаницу кружащихся

сумасшедших мыслей. Может это сон? И для вящей убедительности спросила:

— Как называли нашу пару?

— Мальчик и девочка.

Она ожидала ответа и ответ был: он сам! Её лицо засияло радостью.

После небольшой паузы Михаил продолжил: — Нам надо встретиться.

— Где, когда?

— В пять часов. На остановке у Нахимовского училища.

— Лучше пройти от остановки в сквер Севастопольских курсантов.

— Хорошо!

Свидание. Женщине уже под восемьдесят. Она должна выглядеть отменно! Так много предстоит сделать, а движения стали замедленными под тяжестью воспоминаний, перебираемых в памяти прошлого. Боже! Как прекрасны те дни сейчас в дымке ушедших лет! Душа переполнена счастьем. Понадобилось немало времени, чтобы прийти в себя от испытанного замешательства.

Регина бережно хранила фронтовые письма Михаила, часто перебирала их, отделяя ими себя от действительности. Надежды на его возвращение не было (она держала в руках «Похоронку»), но, оставаясь верной своему мальчику, долго не выходила замуж. Приняла предложение, когда ей было уже за тридцать. Муж увёз её в Севастополь, город чаек, где преподавал в военно-

морском училище. Пять лет как похоронила мужа. Уважение к нему было, а любви — нет. Когда кого-то любишь, другого полюбить невозможно. Живёт с дочерью.

Встреча пары получилась горячей. Они узнали… Нет! Они почувствовали друг друга и бросились в объятия. Мальчик и девочка. Это тела их сильно

изменились за прошедшие годы, а души, жаждущие встречи, остались

молодыми и потянулись друг к другу. Радость встречи оказалась ярче

пережитых страданий.

Курсанты в сквере с интересом и нескромным любопытством наблюдали за пожилой парой. Он высокий, стройный, с поседевшей головой. Она худенькая, среднего роста, в голубом костюме,

туфлях на небольшом каблучке, с красиво уложенными в причёску пышными светло-русыми волосами. В их поведении просматривалось полное забвение себя, безумный порыв друг к другу. Радость события освободила эту пару от гнёта приличия.

Михаил обнял и поцеловал свою девочку. Она спрятала взволнованное лицо на груди друга, возникшего как по волшебству. Долго, очень долго они ждали этого момента. Как хорошо чувствовать друг друга! Стоять рядом,

прижавшись, наслаждаясь нежностью. Им казалось, что они на небесах, в раю.

— Дай, я на тебя посмотрю, — сказал он, окинув женщину смеющимся

взором.

Как юная девушка стояла Рина перед ним, взволнованная воспоминаниями. Костюм подчёркивал стройность её изящной фигуры и гармонировал с ясными глазами, наполненные бездонной синевой, так и притягивающей к себе. Её взгляд остался тем же мягким, ласковым, обнимающим. Она вся дышала

счастьем. Он мгновением переживал годы; мир полной трепетной любви окружал его.

— Я люблю тебя, — тихо сказал он, положив руку на её плечо.

— Я люблю тебя, — повторила она признание, глубоко вдыхая свежий

морской воздух.

— Мы должны отпраздновать встречу.

— Больше чем встречу!

— Веди в самый лучший ресторан.

Вот так и бывает в жизни. Если желание достаточно сильное, оно сбывается, но сроки исполнения устанавливает кто-то свыше. Он же оставляет за собой право вносить корректировки в исполняемое желание. Любящей паре отпущено всего два дня — крошечный островок счастливых мгновений.

Наступил день отъезда. Регина проводила Михаила на автовокзал. Они долго стояли, взявшись за руки. Рукопожатие сопровождалось улыбками. Он

чувствовал силу её руки — ту, особенную женскую силу, что, переходя теплом и молчанием в мужскую руку, так, будто током, замедляет дыхание.

Время утекало как песок, а перед временем всё бессильно.

Михаил знал, что больше они никогда не увидятся, что дни его сочтены: дают о себе знать фронтовые раны, да и сердце износилось от сложно прожитой жизни. Однако свои грустные мысли: «Прощай милая. Спасибо тебе. Я

почувствовал снова свою молодость. Прощай!» вслух не произнёс. Пообещал написать из Новосибирска.

Письмо пришло спустя месяц. Написал его сын Михаила. Прочитать строки Регина не смогла. Слёзы хлынули из глаз. Дрожащей рукой женщина отложила письмо и долго сидела в задумчивости, ощущая в глубине сердца, знающего, что такое любовь, дыхание смерти и бессмертие любви. Любовь не умирает!

Ермаков Дмитрий Анатольевич – родился в 1969 году в Вологде. После армии работал дворником, рабочим на кирпичном заводе. Серьёзно занимался спортом. Кандидат в мастера спорта. Был тренером по борьбе самбо и дзюдо.

Автор десяти сборников прозы. Журналист. Лауреат и дипломант многих литературных конкурсов и премий.

Член Союза писателей России. Живёт в Вологде.

Звезда рождества

Василий Матвеевич, наконец-то собрался в лес, за ёлкой. Надо было бы пораньше, да задержали неотложные дела – с утра пришлось расчищать от снега двор и тропу от дороги к дому, потом ещё воды натаскал, прибрался в доме… Вот и припоздился. Впрочем, что для него каких-то полчаса ходьбы по родимому лесу. Только егерем он здесь сорок лет работает…

Он надел ватные штаны, валенки, бушлат, форменную, но без кокарды, ушанку, с загнутыми на затылок «ушами». Топорик привычно-ловко сел на боку под старый армейский ремень с жёлтой бляхой. Он взял широкие лыжи, деревянные самодельные санки, вышел во двор. Снег под ногами взвизгивал. Красное солнце опускалось к острым макушкам елей.

Ёлку Василий Матвеевич уже который год ставит не к Новому году, а к Рождеству. Он всю жизнь помнил, как говорил ему его дед: «Неправильный новый год-то отмечают. Как так – до Рождества новый год?.. Неправильный…» Ещё знал, что его день рождения, 13 января, как раз на истинный Новый год и приходится. Ещё его называли – Васильев день. И его потому Василием назвали – крестили ведь его бабушка с дедом…

Крестили тайком, в какой-то избе с завешенными окнами – это ему рассказывали. А вот пять лет назад в селе, где он родился и жил, пока после смерти жены на кордон не перебрался, открыли долго-долго стоявшую в запустении церковь. И настоятель, отец Владимир, подтвердил, что, да – церковное новолетие начинается через неделю после Рождества…

Дочь Василия Матвеевича, Ирина, живёт в городе. Там они: Ирина, её муж Игорь, сын Сергей и встречают Новый год («ненастоящий»), а потом приезжают на Рождество к нему на кордон. И здесь опять ёлка и праздник. Игорь обычно уезжает – у него такая работа, что надолго не оставишь, а Ирина и Серёжка остаются ещё на неделю, как раз до настоящего Нового года и дня рождения Василия Матвеевича… Самые это счастливые дни…

Сегодня, скоро уже, они приедут (от села до кордона три километра – грейдером прочищена дорога). Нарядят ёлочку, а к ночи все вместе вернутся в село, в церковь, славить Рождество Христово…

От дома к лесу – в горку, пологая луговина, Василий Матвеевич не спеша, но споро перешёл это белое пространство, под свежим снегом – твёрдый наст… На снегу отчётливо видны быстрые путанные следы зайца, лисья строчка, веерные отпечатки крыльев… По краю леса, кустами, недавно прошли лоси…

Когда-то, по молодости, был Василий Матвеевич охотником, как и многие здешние мужики, но уже много лет не охотится. Про спортивную охоту как-то сказал внуку: «В то время мы охотились, потому что еды не хватало. А нынче – зачем? Баловство это. Людям баловство, а зверям горе…»

Охраняет он и лес, деревья. И не только охраняет, но и сам занимается посадками – тысячи ёлочек и сосен посадил он за свою жизнь…

Идёт он по-охотничьи, без палок, санки за верёвочку тянет. Карабин не взял – ни к чему сегодня.

Вот скоро уже и молодые посадки, где и разрешается ему подрубить раз в год ёлочку. За посадками строевой еловый лес, а там уже рядом и большая дорога – шоссе.

…Ошибиться было невозможно – там, за молодыми посадками, работали бензопилы, две или три. Вот качнулась макушка, и с треском повалилось дерево… Рубка явно браконьерская. Какая же ещё

– это ведь он на своём участке отводит лес под рубку. На это нужны документы, разрешения… И время-то выбрали, когда вся страна отдыхает после «неправильного нового года».

Мобильный телефон у него всегда с собой, хоть и не везде связь устойчивая. Василий Матвеевич болезненно поморщился, наблюдая, как падает ещё одно дерево. Стянул зубами рукавицу, сунул руку за пазуху, вытащил телефон – нет связи. Но ближе к дороге, на горушке должен заработать телефон…

Он прикинул – лесовоз у них на отворотке от большака, валят прямо у дороги и сразу грузят, там есть, где и развернуться. Значит, нужно незаметно подойти к машине, посмотреть номера, позвонить в милицию и уж тогда вспугнуть этих лесорубов. Задержать он их не сможет один, но милиция перехватит. (Он всё не мог привыкнуть называть милицию полицией).

Приняв решение, Василий Матвеевич уверенно двинул к браконьерским машинам (за лесовозом ещё какая-то легковушка стояла). Санки не бросил, тянул за собой. Топорик передвинул за спину.

Но его увидели сразу, едва сунулся на дорогу. Один из них, шофёр, не рубил и не грузил, а именно за дорогой присматривал, сразу дал своим знак. Пилы заглохли.

Василий Матвеевич понял, что его заметили, не стал прятаться, лыжи скинул, воткнул в снег и вышел на дорогу.

Спрыгнул из кабины водитель, шли к дороге от леса ещё четверо…

– Кто старший? Документы попрошу! Егерь Савельев! – Василий Матвеевич, выдернул из нагрудного кармана бушлата удостоверение.

– Ты чего тут делаешь, егерь, чего шумишь?.. – глаза льдистые, безжалостные в него упёрлись, а сбоку уже летел первый удар…

Василий Матвеевич закрывал голову, перекатывался, чтобы смягчить удары ногами… Успел увидеть и запомнил номер машины…

– Хватит, поехали!

Лесовоз, всего лишь с тремя хлыстами, рванул к большаку, оставив за собой запах бензинной гари, легковая сорвалась раньше… Василий Матвеевич, нащупал во внутреннем кармане телефон, на панели высветилась одна чёрточка – связь неустойчивая. Пока усевшись в снегу набирал номер, связь пропала вовсе. Он, черпая рукавами снег, упёрся в наст, встал на четвереньки, и вылез на твёрдую дорогу, увидел на обочине свои санки, прихватил верёвочку, поднялся на ноги, увидел и выдернул из сугроба лыжи, но надевать их не стал, положил на санки, покачиваясь, пошёл на горушку, санки покатились за ним. Топор его был на месте, заправленный под армейский ремень, а вот одна из лыж соскользнула с санок, он не заметил этого …

Поднялся на горку, набрал номер полиции, продиктовал номер лесовоза и…

…Первым подбежал зайчишка, посмотрел на него и замахал лапой, подзывая остальных зверей.

– И зачем тебе ёлка? – спросил, неторопливо подойдя, матёрый волк.

– Рождество ведь скоро. Великий праздник.

– А кто родился? – спросил лось.

– Бог родился, Иисус Христос. Когда Он родился, на небе зажглась звезда. И глядя на неё, восточные мудрецы точно пришли в город Вифлеем и поднесли Ему дары. А Он в яслях лежал, на скотном дворе… Вот в честь той звезды и ставят люди в эту ночь на ёлку звезду, – закончил он.

…Впереди шёл, проламывая дорогу могучий лось, санки тянули, захватив верёвку в пасти, два волка, по бокам, как почётный эскорт, бежали пышнохвостые лисы, зайцы скакали и сзади, и с боков, и спереди, а белки прыгали с ветки на ветку, стряхивая с еловых лап снег, и снежинки искрились в морозном воздухе. Василий Матвеевич сидел в санках, держа в руках пушистую красавицу-ёлку, на макушке которой, как звёздочка - желтогрудая синица. И думал он о зверях: «Какие молодцы! И никто никого не обижает!»

На краю леса лось встал, встали и волки, сгрудились у санок зайцы и лисы, спустились с деревьев белки… Там, под горой, желтело окно его дома. А над крышей, в небе светилась звезда Рождества.

Кто-то из зверей толкнул санки, и они покатились к дому, а на встречу уже бежала дочка, и зять, и внук Серёжка….

– Христос родился, славьте Его! – раздался голос отца Владимира. Или самого Василия Матвеевича. Или это шумел лес…

И наступило Рождество. И славили Рождество Бога люди и звери…

Потапов Александр Николаевич – родился в 1954 году в селе Петровка Шацкого района Рязанской области. Окончил Рязанский государственный педагогический институт и Литературный институт имени А.М. Горького.

Автор более четырёх десятков книг поэзии и прозы.

Лауреат многих известных региональных и международных конкурсов и премий. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Живёт в Рязани.

Сергей Есенин и балтийцы-подводники

Шла война. В научной библиотеке Института русской литературы Академии наук СССР, в народе называемого Пушкинским Домом, было сумрачно и прохладно. Дело понятное: Ленинград только что освобождён от блокады, и тут уж, как говорится, не до жиру...

Виктор Андроникович Мануйлов, обретающий известность литературовед, рылся на книжных полках, поёживаясь от холода и поплотнее натягивая на плечи поношенное пальто. Нередко бывало, что он оставался в библиотеке на ночь – в стылую квартиру идти не хотелось, а среди знакомых книжных томов казалось уютнее и спокойней.

Вдруг Мануйлов услышал, как хлопнула входная дверь, а затем различил голоса и приближающиеся шаги. Огонек настольной лампы замигал от сквозняка, и в дверях комнаты показались знакомые матросы-подводники:

– Добрый вечер, Виктор Андроникович! Всё науку грызете?

– Здравствуйте, ребята. С чем пожаловали?

Вперед выступил командир подлодки. Сухощавый, подтянутый, он заговорил так, как будто отдавал приказ:

– Товарищ Мануйлов, я командир подлодки С-13 Александр Иванович Маринеско. Матросы доложили мне, что в библиотеке есть стихи Сергея Есенина. Просим выдать нам книгу.

И добавил, как о чём-то обыденном:

– Мы завтра в боевой поход отправляемся...

Мануйлов оторопело окинул взглядом подводников. Многих из них он знал. Боевая подлодка С-13 стояла в Ленинграде на ремонте, и матросы, коротая время, частенько захаживали в библиотеку Пушкинского Дома – благо, что была она неподалеку. Виктор Андроникович любезно встречал гостей, давал им читать книги. Как-то раз проговорился о своем знакомстве с Сергеем Есениным. Что слышали раньше о Есенине матросы экипажа С-13? Что Есенин – кулацкий поэт-забулдыга. Вёл распутную, богемную жизнь, вследствие чего и покончил с собой. А стихи писал хулиганские, оттого их после его смерти и не печатали. Мануйлов же открыл перед подводниками живой мир поэзии Есенина – чистый, искренний, сердечный. Читая в библиотеке томик Есенина, матросы поражались: и где он такие слова выискивал, что достают до самого сердца?

Матросы читали «Письмо к матери» – и каждый вспоминал о своей родимой, ждущей сына с фронта домой, и каждому казалось, что именно от его имени написал Есенин проникновенные строки:

Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет...

Мануйлов рассказал матросам о своём знакомстве с Есениным в Москве в августе 1921 года, когда певец «рязанских раздолий» дал младшему собрату по перу записку, по которой тому удалось беспрепятственно пройти в Дом литераторов на Арбате, где Есенин читал свою драматическую поэму «Пугачёв».

Рассказал Мануйлов и о том, как он как 3 октября 1924 года в Баку пытался прорваться на вечер поэзии Сергея Есенина, проходивший в студенческом клубе имени Сабира Азербайджанского университета. Молодому почитателю творчества рязанского словотворца помог сам поэт, передавший Мануйлову записку, адресованную администратору клуба: «Прошу пропустить тов. Мануйлова на сегодняшний вечер моих стихов.

Сергей Есенин.

3/ X – 24».

А ещё Мануйлов рассказывал о бакинских встречах с поэтом и с гордостью говорил о есенинском сборнике стихов «Трерядница» издания 1921 года, подаренном ему поэтом с дарственной надписью: «Дорогому Вите Мануйлову С.А. Есенин. 21/ IX. 24. Баку».

Матросы слушали рассказы Мануйлова с восхищением, а Сергей Есенин стал для них с тех пор любимым поэтом. На лодке у кого-то был видавший виды, расхристанный баян, и с тех пор в тесных отсеках субмарины часто слышались песни на стихи Есенина: «Ты жива ещё, моя старушка...», «Клён ты мой опавший...»

И тут вдруг приказ: «Готовиться к боевому походу». Ну разве можно там, в тревожных глубинах Балтики, обойтись без стихов любимого поэта! И тогда Маринеско, долго не раздумывая, заявился с матросами в библиотеку.

Мануйлов пытался объяснить, что библиотека научная, что книг отсюда не выдают, а томик Есенина вообще раритет, в библиотеке он единственный...

Но Маринеско, казалось, никаких доводов и слышать не хотел. В его глазах сверкал неуступчивый, решительный огонек:

– Знаем мы ваши раритеты. Но поймите и нас: мы не в куклы играем. Мы в бой идём. Понятно?

Поникший было Мануйлов вдруг встрепенулся, охваченный волнением:

– А знаете что? Я, кажется, нашёл выход...

Усталая машинистка всю ночь перепечатывала на машинке сборник стихов «всесветного рязанца». Мануйлов сидел рядом, поил её чаем и ненавязчиво поторапливал:

– Вы уж голубушка, постарайтесь. Это нужно для моряков...

К рассвету машинопись была готова.

Маринеско, строго-подтянутый, зашёл в библиотеку, с тревогой и надеждой в голосе спросил:

– Виктор Андроникович, ну как там Есенин?

– Да вот он ваш Есенин, всю книжку за ночь на машинке перепечатали…

Лицо командира лодки дрогнуло:

– Вот спасибо! Вовек не забудем.

Приняв из рук Мануйлова рукопись, Маринеско чётко вскинул правую ладонь к форменной фуражке:

– Прощайте. Мы не подведём.

Крепко пожал учёному руку и, не сдержавшись, обнял на прощание.

Ранним утром отремонтированная С-13 вышла в поход со стихами Есенина на борту, словно с талисманом…

30 января 1945 года «есенинская» подлодка под командованием капитана третьего ранга Александра Ивановича Маринеско совершила подвиг, который позднее нарекут «Атакой века».

Дело было так. Советские войска вплотную подошли к городу Данцигу – крупному порту гитлеровской Германии на побережье Балтийского моря. (Ныне это город Гданьск, принадлежащий Польше.) Здесь на верфях стояло много недостроенных, почти готовых к боевым действиям фашистских субмарин. Кроме того, в Данциге находился учебный центр подводного плавания. Опасаясь угодить в плен, гитлеровцы решили эвакуировать экипажи подводных лодок, а также находившихся в городе фашистских солдат и офицеров, представителей нацистской элиты, в город

Киль. Эвакуацию решили провести на гигантском лайнере фашистского флота «Вильгельм Густлов (Густлофф)» водоизмещением 25 484 тонны, который служил плавбазой для школы подводного плавания.

На многопалубном лайнере-гиганте находилось свыше пяти тысяч гитлеровцев (по другим данным – свыше семи тысяч). Отступающие фашисты заняли не только каюты, но и рестораны, танцзалы, плавательный бассейн, зимний сад, даже помещение палубной церкви. Незанятой осталась только личная каюта фюрера. Среди спасавшихся от натиска советских войск гитлеровцев на борту теплохода-гиганта было около тысячи трехсот подводников. Обученные экипажи для семидесяти–восьмидесяти новейших германских подводных лодок представляли собой солидную военную силу. Известно, что моряка-подводника обучить труднее, чем лётчика. Поэтому понятно, какой ценный груз должен был доставить в Киль «Вильгельм Густлов».

Теплоход вышел в рейс из порта в сопровождении миноносца «Лёве» и катера-торпедолова. На выходе из бухты «Вильгельма Густлова» ждал сильный конвой фашистских судов. Но гитлеровские стратеги не могли предположить, что в Данцигскую бухту уже пробралась советская подводная лодка С-13...

Поздним вечером гидроакустики подлодки засекли мощный шум винтов. Субмарина осторожно всплыла. Погода была – хуже не придумаешь. Над бухтой стлалась промозглая мгла. Ветер крепчал. Мороз усиливался. Вскоре белые буруны на поверхности моря возвестили: начинается шторм.

Лодка шла в позиционном положении: корпус под водой, а над кипящими морскими волнами возвышалась только рубка. Потоки воды на морозе застывали, перископы покрывались льдом. Но капитан третьего ранга Маринеско оставался на командирском мостике и зорко всматривался в промозглую мглу. Опасность состояла в том, что лодка, находящаяся в позиционном положении, в любое мгновение могла под напором волн и ветра непроизвольно уйти на большую глубину, и тогда рубка с командиром на мостике оказалась бы под водой. Это грозило бы Маринеско неминуемой гибелью, потому что рубочный люк, согласно морским правилам, был бы захлопнут экипажем лодки моментально, ибо живучесть судна – превыше всего.

Однако Маринеско не думал о грозящей ему опасности. Он лишь смахивал с лица ледяные брызги и всматривался в мутную темноту, словно охотник, идущий по следу зверя.

Вскоре в ночной мгле набухла чёрная туша лайнера. Подкравшись поближе, Маринеско скомандовал:

– Приготовиться к торпедной атаке!

Подводники замерли у приборов в тревожном ожидании. Наконец прозвучало долгожданное: «Пли!» – и три торпеды плюхнулись в воду и, словно спущенные с поводка быстроногие гончие, пробежали по воде и с ходу врезались в борт фашистского лайнера. Четвёртая торпеда не вышла из аппарата. Но «Вильгельму Густлову» и того оказалось достаточно. Вскоре охваченная пожаром громада лайнера сильно накренилась и пошла ко дну.

Подводники хотели уже праздновать победу, но тут экипажу С-13 пришлось несладко: конвойные фашистские суда начали охоту за дерзкой подводной лодкой. Как потом выяснилось, в море было выброшено около двухсот пятидесяти глубинных бомб. И все же, умело маневрируя, Маринеско увёл свою субмарину из западни.

А спустя несколько дней, 10 февраля, бороздя просторы Балтики, С-13 напала на след фашистского транспорта «Генерал фон Штойбен», переоборудованного во вспомогательный крейсер ВМФ

Германии. Приблизившись к судну с тёмной стороны горизонта, С-13 произвела залп двумя торпедами. Обе угодили в цель.

Есть сведения, что Гитлер, узнав о трагедии, произошедшей на Балтике, объявил по всей Германии трехдневный траур, а командира дерзкой советской подлодки нарёк своим личным врагом. Напомним, что подобный трехдневный траур Германия объявляла после гибели под Сталинградом 300-тысячной армии фельдмаршала Паулюса.

Дальнейшая судьба капитана 3-го ранга Александра Ивановича Маринеско сложилась несчастливо. Звание Героя Советского Союза он за свой подвиг не получил: штабники сослались на то, что в Румынии, союзнице гитлеровской Германии, у отважного капитана проживают родственники. К тому же командованию было хорошо известно о непозволительном на флоте пристрастии Александра Ивановича к горячительным напиткам, за что его не раз наказывали. Да и ершистый, неуступчивый характер Маринеско был хорошо известен высокопоставленным флотским шаркунам...

Долгое время подвиг героя-подводника всячески замалчивался, как в недоброе время замалчивалось имя Сергея Есенина. Более того: в 1949 году А.И. Маринеско был необоснованно осужден и угодил за решётку «за разбазаривание социалистической собственности». Спустя два года легендарный командир С-13 был освобождён, а в 1953 году судимость с него была снята. Жизнь свою организатор подводной «Атаки века» закончил почти в безвестности и скончался 25 ноября 1963 года в Ленинграде.

Ну чем не судьба Сергея Есенина, чьи литературные подвиги долгие годы оставались под замком?

Разумеется, сегодня легко упрекать командира С-13 во многих грехах (а они у Маринеско действительно имелись), но в таком случае кто ответит за миллионы мирных советских граждан, погибших от рук фашистов, преднамеренно уничтожавших славян на оккупированной территории СССР?

Но время всё ставит на свои места. Постановлением президиума Ленинградского городского суда от 27 апреля 1988 года прежние судебные приговоры были отменены, а «дело» в отношении Маринеско прекращено за отсутствием состава преступления. Более того: Указом Президента СССР от 5 мая 1990 года Александру Ивановичу Маринеско посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

И пускай изрыгают ядовитую слюну злопыхатели всех мастей – их во все времена хватало! Но сегодня уже вряд ли нужно кому-то доказывать, что Александр Маринеско – один из лучших советских подводников времён Великой Отечественной войны, а Сергей Есенин – один из самых талантливых выразителей русской души.

Пучков Андрей Викторович – родился в 1963 году в посёлке Хандальск Абанского района Красноярского края. После демобилизации из Советской Армии служил в МВД. В 2006 году вышел

в отставку. В 2017 году начал писать стихи и рассказы, которые публиковались на страницах журналов и сборников Красноярского края, Кемеровской области, Москвы и Московской области. В 2019-20 годах стал призёром и лауреатом нескольких престижных всесоюзных конкурсов. Живёт в городе Сосновоборск Красноярского края.

Binnensee

Этот немецкий посёлок со странным названием «Binnensee», обойти стороной я не мог, его просто необходимо было проверить, даже невзирая на потерю времени. Не дай Бог, фрицы там окажутся! Ударят нам в тыл, беда будет.

– Почему вперёд не идём? Какого чёрта время теряем?! – подойдя ко мне, буквально прорычал замполит батальона майор Рябов и, оглянувшись на укрывшихся за деревьями бойцов, приказал:

– Давай мне отделение, я с другой стороны деревню начну проверять, быстрее будет!

Я посмотрел в лицо замполиту и, встретившись взглядом с его лихорадочно блестевшими глазами, отвернулся.

Невозможно было выдержать его взгляд – глаза были мёртвыми, тёмные провалы и всё, жизни в них ноль. Сам вроде психует, а глаза без проявления каких-либо эмоций. Я знал всех своих бойцов, с самого начала войны они были со мной. Многих ребят, конечно, потерял, но я уже с одного взгляда научился определять состояние человека и что можно от него ожидать. Что ждать от майора в его

нынешнем состоянии, было непонятно.

Срываться он начал год назад, когда ему сообщили, что вся его семья погибла под одной авиабомбой. Вся! Одним махом. Родители, жена, двое сыновей. После этого он стал нервным, психованным, часто повышал голос, и руки у него стали заметно подрагивать. Он знал об этом и прятал их за спину.

Аккуратно уложив бинокль в футляр, я оглянулся и, зная, что старшина обязательно будет где-то рядом, негромко позвал:

– Семашко!..

– Я, товарищ капитан! – высунулся из-за соседней сосны командир первого отделения и, оглянувшись, поправил сбившуюся на затылок пилотку.

– Вместе с отделением поступаешь в распоряжение майора. Обойдёте, посёлок лесом, и пощупаете, что там с другой стороны. На рожон не лезьте, действуйте аккуратно и тихо, если что, сразу отходите!

– Ясно, товарищ капитан! – кивнул старшина и перебросив автомат из-за спины на грудь, побежал за скрывшимся за деревьями замполитом.

Я посмотрел им вслед и вздохнул. Майор был смелым воином, в тылах не отсиживался, за спины солдат не прятался. Не один раз бойцов в атаку поднимал. Не зря же на его гимнастёрке красуются орден «Красной звезды» и медаль «За отвагу», да и к бойцам он относится по-человечески. Даже свой командирский паёк никогда сам не получал, распорядился, чтобы его сразу же передавали в окопы.

Уничтожает война людей. Не только жизни у них забирает, но и души выжигает. Обугливаются людские души, перестают жизнь чувствовать. Умирают. Так, посмотришь, вроде человек как человек – ест, пьёт, спит – всё как обычно. Приглядишься повнимательней – понимаешь, что выгорел человек, ушёл из нашей жизни, чужим стал.

Мы уже минут сорок шерстили деревню. Заходили в каждый дом и осматривали его. Жителей на удивление было много! Но среди них взрослых мужчин не было, только женщины, дети и старики. Они, как правило, собирались все вместе в одной комнате и с ужасом наблюдали за обыскивающими дом бойцами.

По всей вероятности, люди перебрались сюда из городов. Спасался народ от боёв, пришедших вместе с войной и уничтожающих всё на своём пути, не разбирая, казарма это или жилой дом, блиндаж или школа.

Время шло, и я всё больше и больше убеждался в том, что кроме гражданских лиц, в деревне никого нет. Мы уже прошли почти всю деревню, когда прямо перед нами, на соседней улице вспыхнула ожесточённая стрельба.

– Давайте за мной! – скомандовал я, и, привычно прижимаясь к домам, пригнувшись, побежал в сторону не на шутку разгоревшейся перестрелки.

Стреляли возле кирхи, которая, находилась на небольшой площади. Я уже видел её остроконечную

верхушку, когда почти одновременно грохнули два гранатных взрыва, и стрельба прекратилась.

– На площадь никому не высовываться! – приказал я, осторожно выглядывая из-за угла дома, стоящего прямо напротив церкви.

Перед дверями кирхи полукругом были уложены мешки, из которых через многочисленные пробоины тонкими струйками высыпался песок. За мешками находились мои бойцы, ушедшие с майором, часть из них, осматриваясь, выглядывала из-за баррикады, а трое топтались возле дверей кирхи.

– Свои! Не стрелять! – заорал я и, подняв руки, вышел из-за дома.

– Давайте быстрее сюда! – закричал один из бойцов и замахал мне руками, поторапливая.

– Что тут у вас? С эсэсовцами, что ли, сцепились? – кивнул я в сторону тела, одетого в чёрную форму, облепленную опознавательными знаками войск «сс».

– С ними, с тварями!.. – выругался Семашко и, ткнув пальцем в труп, добавил:

– Их четверо было. Если бы не гранаты, до сих пор бы, наверное, возились. Умеют воевать, сволочи!

– Все целы? А где майор? – спросил я, осматриваясь.

– Все!.. А майор там, в госпитале, – кивнул старшина в стороны кирхи.

– Это что, госпиталь у них был, что ли?

– Почему был? – удивился Семашко. – Он и сейчас есть, я там раненых видел.

– А майор?

– Там он… внутри, – пожал старшина плечами, – один из фрицев раненый внутрь заполз, майор зашёл следом и... в общем, добил он немца. А потом подобрал его автомат, приказал нам всем выйти и закрылся изнутри.

В это время из кирхи раздалась короткая очередь, а потом, через некоторое время ещё одна.

– Твою ж мать, майор! Что же ты творишь-то!.. – выругался я и скомандовал. – Ребята, надо двери открыть, а то политрук со злости там... наделает делов!

– Отойдите все подальше! – скомандовал Семашко и, отступив от двери, выпустил по замку длинную очередь из своего ППШ.

Взвизгнули, отрикошетившие от металла пули, брызнула во все стороны щепа. Старшина, перехватив поудобнее автомат, примерился и изо всех сил ударил в дверь ногой. Дверь распахнулась, и сразу же, в глубине здания, раздалась ещё одна очередь, а следом за ней ещё.

– Назад! – приказал я, рванувшимся было вперёд бойцам. – Чёрт его знает, что у него сейчас на уме! Сам пойду, поговорю!..

Изнутри кирха оказалась довольно просторной: лавки сдвинуты к одной из стен, и всё освободившееся от них пространство занимали металлические кровати, между которыми валялись

окровавленные простыни, одеяла, бинты и какие-то тряпки. Было видно, что помещение покидалось в спешке, и о соблюдении порядка никто не думал.

Я остановился, ожидая, когда глаза привыкнут к полумраку и, услышав за спиной шаги, обернулся. С десяток бойцов во главе с Семашко стояли за моей спиной. Я махнул рукой: «чёрт с вами, оставайтесь», – и медленно направился к стоящему возле кроватей майору.

Успел сделать с десяток шагов, когда майор неторопливо поднял автомат, и прежде чем я успел закричать, выстрелил, сделав короткую, на несколько патронов, очередь.

– Майор! Отставить! Прекратить! – всё-таки заорал я и рванулся к замполиту. Тот, не обращая на меня внимания, спокойно прицелился в лежащего на кровати человека и опять дал короткую очередь. Я остановился за его спиной и прошептал:

– Что же ты натворил, майор!

Замполит бросил автомат на пол, повернулся ко мне и засмеялся.

– Всё!.. Это был последний, – подойдя ко мне, сказал Семашко, – шестеро их было, лежачих, я успел сосчитать, прежде чем майор приказал нам выйти.

Майор уже не смеялся, он стоял, подняв голову вверх, и улыбался, губы его шевелились, как будто он с кем-то разговаривал.

– Товарищ майор! – окликнул я его, но он словно меня и не заметил, он вообще никого не замечал. Мне показалось, что он чего-то ждёт, вглядываясь в высокий потолок кирхи.

Обойдя меня и Семашко, к замполиту подошёл Гриша, молодой, прибывший с последним пополнением боец, он несколько мгновений пристально вглядывался в лицо майора, а затем, подняв свой автомат, навёл его в грудь замполиту. О том, что сейчас произойдёт, было ясно как день. Я мог бы его удержать, успел бы!.. Но не стал.

Дёрнулся, басовито рыкнув очередью автомат в руках бойца, и майор, сделав назад два маленьких шага, словно его кто-то сильно толкнул в грудь, раскинув руки, упал на спину. Я опустился рядом с ним на колени и, проведя ладонью по лицу, закрыл ему глаза.

– Зачем?.. – посмотрел я на Гришу.

– Я видел, как убивают раненых!.. – хриплым шёпотом ответил парень. –Ещё тогда, в самом начале. Я помогал в госпитале. Фашисты шли вдоль кроватей и стреляли в раненых… шли и убивали… спокойно, не торопясь, как будто выполняли неинтересную работу. Я слышал их голоса, видел их лица. Фашисты… Они, не должны жить. Я под кроватью спрятался, меня не увидели. Майор, убил раненых... он не должен жить.

Вот так вот. Что можно на это ответить?! Ничего!

Не я один не стал парня останавливать. Бойцы его тоже не удерживали, хотя и видели, что он собирается сделать. Значит, они думают так же, как и он: «Фашисты убивают раненых. Если ты убил раненых, значит, ты тоже стал таким же, как и они. Поэтому не должен ты ходить по этой земле».

Всё правильно. Логика простая и прямая как штык. В ней нет места для закоулков, в которые можно забрести и, с удобствами устроившись, поговорить, порассуждать о бытие, да поспорить о

правых и виноватых. Штык он всё расставляет по своим местам.

– Семашко! – посмотрел я на старшину. – С майора надо снять форму, тело вынесем за деревню и похороним в лесу. Форму, документы и планшет политрука сжечь. Да, ещё, чуть не забыл! – спохватился я, когда старшина с двумя бойцами направился к телу майора. – Тело убитого фрица подтащите к кроватям и положите рядом с ним автомат, из которого майор стрелял, пускай думают, что это он своих же и перебил.

За кирхой сложили костёр из разломанных заборных штакетин, и я, присев рядом с ним на корточки, наблюдал, как пламя жадно заглатывает вещи, когда-то принадлежащие хорошему человеку. Смелому воину. Любящему мужу и отцу. Человеку, отдавшему этой войне всё! Даже собственную душу!

Тело майора закопали в километре от деревни, в небольшом леске. Перед тем как двинуться дальше, я построил взвод и предложил почтить память погибшего от прямого попадания крупнокалиберного снаряда майора Рябова. Никому из бойцов ничего объяснять не надо было – все всё понимали. Если бы политрук вернулся с нами, его бы расстреляли за то, что он совершил, и в памяти людской он бы остался как убийца беззащитных людей. Он понёс за содеянное наказание и умер.

Я был уверен в своих бойцах, никто из них не проговорится, и майора будут помнить как воина, погибшего на поле боя. Светлая ему память!

Смирнов Михаил Иванович – родился в 1958 году в городе Салават. Лауреат ряда литературных премий, в том числе за выдающиеся достижения инвалидов в области культуры и искусства. Лауреат (золото) конкурса «Ты сердца не жалей, поэт», 2021. Член Товарищества детских и юношеских писателей России. Член Союза писателей России. Живёт в городе Салават, Башкортостан.

Зима пятьдесят второго

– Володя, не забудь покормить ребят, – сказала мать, и взглянула на сына. – Обед вам приготовила.

– Ладно, – зевая, сказал Володя. – Опять солёная треска с картошкой? Селёдку бы купить, и конфеток…

– Сегодня обещали зарплату выдать, – сказала мать и бросила в печь несколько кусков угля. – Получу, папка из города привезёт. Одевайся теплее, на улице мороз. Ну, я пошла.

Она взяла сумку, вышла из комнаты.

В бараке холодно. На стенах изморось. Анна Ивановна направилась к выходу. Приоткрыла дверь, охнула от морозного воздуха, и вышла на улицу.

Она направилась вдоль высокого забора с колючей проволокой, видны сторожевые вышки, а на них пулемёты. Доносился лай собак, выкрики команд и голоса заключённых, стоявших на утренней поверке.

Они приехали сюда после войны, Анна Ивановна не смогла привыкнуть к лагерям, которых было не менее десятка рядом с посёлком, где отбывали срок уголовники и заключённые по пятьдесят восьмой статье. Бесконечные окрики, колонны заключённых, усиленная охрана. Словно река из человеческих тел текла по дороге.

Лагеря тянулись на многие километры вдоль дороги. Иногда мелькали поселковские жители, шагающие на работу. Одни торопились в промзону, другие направлялись в лагеря. Туда же шла Анна Ивановна, работая в бухгалтерии лагеря, где отбывали срок осужденные по пятьдесят восьмой статье.

– Веди нас, – сказала она охраннику, когда подошла к проходной. – Оружие с собой?

– С собой, – буркнул охранник. – Если мало, на вышках пулеметы.

Анна Ивановна добралась до двухэтажного здания, стоявшего неподалёку от проходной.

Скинув пальто, она достала документы, счёты и начала работать.

– Здравствуйте, – послышался тихий голос, в кабинет зашёл заключённый, и направился к столу, где работал.

Многие промолчали. Другие кивнули. Некоторые пробурчали в ответ, и лишь два-три человека отозвались, взглянув на заключённого.

– А, здравствуйте, Сергей Васильевич, – сказала Анна Ивановна. – Заработалась, отчёт заканчиваю. Тороплюсь…

– Помочь? – поправляя очки, сказал он.

– Нет, спасибо, – Анна Ивановна, – справлюсь.

– Обращайтесь, если что-то не поймёте, – сказал Сергей Васильевич.

Ближе к обеду заглянула уборщица:

– Анна Ивановна, – сказала она, – главбух вызывает.

Анна Ивановна направилась в кабинет главного бухгалтера.

– Вызывали? – она взглянула на мужчину в военной форме.

– Проходи, Аннушка, – сказал он и кивнул на её живот. – Когда ножки будем обмывать?

– Немного осталось, – улыбнулась Анна Ивановна. – Ваня ждёт, ребятишки спрашивают, а теперь и вы пристаёте.

– Мужик родится, – сказал Николай Ефремович. – Можешь мне верить. Я не ошибаюсь.

– Опять мальчишка, – засмеялась она. – Два сорванца есть. Дочку хочу. Николай Ефремович, вы позвали, чтобы в гости напроситься?

– Зоя, кассир, заболела, – сказал он. – Вот документы, езжай в кассу. Получишь деньги, после обеда начнёшь раздавать.

– Хорошо, – сказала Анна Ивановна.

Доехали до кассы. Шофёр подогнал машину к входу. Анна Ивановна постучала в дверь, и протиснулась внутрь, когда ей приоткрыли.

– Что раньше не приехали? – сказала молодая женщина, одетая в цветастое платье. – Я не обязана каждого ждать.

– Валентина Петровна, мне сказали, я приехала, – Анна Ивановна подошла к тяжёлым мешкам. – Пересчитаю и всё. Меня тоже ждут.

– Всё подсчитано и приготовлено, – кассир достала бланки. – Распишись…

– Деньги любят счёт, – сказала Анна Ивановна. – Сейчас…

Раздался телефонный звонок.

– Алло, – сказала кассир, долго слушала, потом ответила. – Хорошо, сейчас отпущу «пятьдесят восьмых» и прибегу.

Она стала торопить Анну Ивановну:

– Меня вызывает начальство. Быстрее…

– Ты иди, а я останусь, – повторила Анна Ивановна. – Дождусь тебя, вместе пересчитаем.

– Нельзя чужих оставлять в кассе. Видишь, мешки запечатаны? – сказала Валентина Петровна. – У меня всегда тютелька в тютельку или не веришь?

– Верю, но…

– Всё, грузите, – перебила Валентина Петровна. – Ставь подпись и беги за шофёром.

Анна Ивановна оформила документы, перетаскали мешки с деньгами и поехали в лагерь.

Уже у себя, закрывшись в кассе, она пересчитала деньги, сверила записи и ей стало плохо. Снова взялась за деньги. Сверила, убрала в сейф, опечатала и побежала к главбуху.

– Николай Ефремович, огромная недостача, – и заплакала.

– Аннушка, успокойся, – главбух просмотрел записи. – Не может быть! Как ты ошиблась?

– Кассир не дала пересчитать, – сказала она. – Кто-то позвонил, она стала торопить. Показала запечатанные мешки. Я поверила…

– Так, пошли к начальнику, – Николай Ефремович задумался. – Надо срочно решать...

За столом сидел полковник с орденскими планками на кителе. На стене портрет Сталина. Он азглянул:

– Что случилось? Чуть дверь не снесли.

– У Аннушки, товарищ полковник, недостача после возвращения из центральной кассы.

– Этого не хватало, – сказал полковник. – Почему не проверила?

– Кассир заставила выйти, – сказала Анна Ивановна. – Торопилась. Все мешки были опечатаны. А вернулись, увидела, что недостача.

– Говори… – полковник протянул трубку телефона.

– Валентина Петровна, – закричала она, – у меня недостача.

– Я-то причём? Ты получила деньги. Умей отвечать за поступки.

– Валентина Петровна, – заплакала она. – Может, ты ошиблась?

– Я выдаю тютелька в тютельку. В документах стоит подпись. Сама отвечай, – и разговор прервался.

Полковник взгглянул на Анну Ивановну.

– Езжай туда, может, снимет остаток, чтобы убедиться, кто ошибся. Свободны. Николай Ефремович, задержись.

Алексей Михайлович стал ходить по кабинету, посматривая на главбуха.

– Что делать, Николай Ефремович?

– Товарищ полковник, – он поднялся, – я знаю Аннушку… Знаю мужа, детишек… Не могла она пойти на преступление.

– Понимаю, но денег нет. И представляю, что будет, если недостачу не перекроет. За булку хлеба сажают, а тут…

Он махнул рукой.

– Жаль семью. Пропадут без неё, – сказал Николай Ефремович.

Полковник взглянул на бухгалтера.

– Я могу дать сутки, чтобы достала деньги. Не найдёт, я обязан передать её органам. Знаешь, что будет с ней…

Открылась дверь. Зашла Анна Ивановна.

– Кассирша показала документ с моей подписью и захлопнула дверь, – она прислонилась к стене.

Полковник покачал головой.

– Анна Ивановна, положите ключи на стол. Даю сутки для погашения недостачи. Всё, свободны.

– Анна Ивановна, дошёл слух, у вас недостача, – следом за ней вышел заключенный, с кем работала в бухгалтерии. – Сколько пропало денег?

– Не могу сказать. Извините, – она села в кабину, захлопнула дверцу.

Анна Ивановна вернулась домой. Взглянула на ребятишек, заплакала.

– Мамка, мы не баловались, – сказал Юрка, мальчуган лет шести. – Не плачь…

– Не пачь, ма, – повторила младшая дочка, – не пачь…

– Ох, ребятки, – она плакала. – Пропадёте вы…

Она поднялась. Стала из комода доставать детские вещи. Заметалась. Нашла шкатулку, где хранила нитки с иголками, принялась перебирать рубашонки, платьишки, стала штопать, и накладывать латки.

– Аннушка, я думал, ты поздно вернёшься, – услышала она голос мужа. – Что случилось?

Тяжёлая ладонь легла ей на плечо, он присел на корточки.

– Аннушка, что произошло?

– Беда пришла, Ваня, – уткнулась ему в грудь. – У меня огромная недостача. Дали сутки, чтобы перекрыть. Не найду деньги, меня арестуют.

Иван вскочил, накинул фуфайку, надел валенки и крикнул с порога.

– По посёлку пробегусь, займём деньги. Люди помогут.

Он захлопнул дверь.

Ближе к вечеру, когда стемнело, он вернулся, хмуро посмотрел, разделся, и присел рядом.

– Аня, ни у кого нет столько денег.

Она сидела, перебирая старенькие детские вещички, потом взглянула.

– Ваня, картошки хватит до конца зимы. Огурцы, капуста есть. До весны дотяните. Береги ребятишек.

– Аннушка…

– Я знаю, что говорю, – перебила она. – Если меня арестуют, значит, мы не встретимся. Не судьба…

Она взяла ножницы, шкатулку и ушла за перегородку. Освободила стол, принялась распарывать свои вещи. Думала, что сшить для детей.

– Я уложил ребят спать, – сказал Иван, свернул самокрутку и прикурил. – Зачем платья разрезала? Может, обойдётся?

Она покачала головой, посмотрела на мужа.

– Иди спать, я что-нибудь ребятам сошью. Да, забыла… Вовка селёдку и конфеты просил. Купи, побалуй малышню. Иди к ним, не мешай…

До утра просидела Анна Ивановна за столом. Изредка доносился натужный кашель мужа. Он подходил, закуривал и глядел, как она раскраивала и шила рубашонки и платьишки для ребятишек и, вздохнув, Иван уходил к ним. Она приготовила завтрак. Оделась. Тихо прошла в комнату, поцеловала детей, задремавшего мужа и, не оглядываясь, ушла. Она пошла на работу, понимая, что не вернётся домой, не увидит и не обнимет своих малышей, не услышит их голоса…

Она сидела в кабинете, глядела на ходики и считала часы, оставшиеся до ареста. Слышала шёпот сотрудников. Обсуждали. Доносились шаги. Казалось, идут за ней. Вновь смотрела на стрелки, которые приближались к ненавистной цифре – четырнадцать. Время, когда арестуют…

Остался час…

Вдруг, в кабинет забежал Сергей Васильевич – «политика», как его звали в отделе, который держал старый потёртый мешок. Он подошёл к столу, где сидела Анна Ивановна, и поставил мешок.

– Анна Ивановна, вам велели передать, – сказал он.

– Мне ничего не должны передать, – она смотрела на часы.

Сергей Васильевич развязал тугой узел, раскрыл мешок и придвинул.

– Пересчитайте. Время на исходе. Торопитесь…

Она увидела тугие пачки денег. Протянула руку и почувствовала, что теряет сознание…

– Налейте воды, – закричал Сергей Васильевич, схватил графин, наполнил стакан. – Эх, люди, люди… Анна Ивановна, очнитесь, время уходит…

Анна Ивановна приоткрыла глаза, потянулась к мешку.

– Пересчитайте, – донёсся голос Сергея Васильевича. – Торопитесь. Вас ждут…

Она быстро принялась считать. Достала ведомость, сверилась, взглянула на заключенного, уложила деньги обратно, схватила мешок и побежала к главбуху.

– Николай Ефремович, деньги, – она плакала и смеялась. – Копеечка в копеечку.

Главбух достал несколько пачек, внимательно посмотрел, пересчитал и взглянул на неё.

– Откуда?

– Не поверите, – сказала она. – Сергей Васильевич принёс.

Главбух посмотрел на часы.

– Аннушка, отнеси деньги начальнику лагеря. Если что-нибудь спросит, пусть вызовет меня. Я объясню…

Постучав, она распахнула дверь, подошла к столу и вывалила из мешка деньги:

– Алексей Михайлович, недостача перекрыта, – снова заплакала она.

Полковник провёл по пачкам, долго смотрел на неё и тихо сказал:

– Я рад, Аннушка. Езжай домой, отдохни. Завтра жду на работе. Всё, свободна.

Он взял документы, стал читать.

Уже возле выхода, она столкнулась с Сергеем Васильевичем.

– Скажите, откуда деньги? Где вы столько взяли?

Заключённый снял старенькие очки.

– Анна Ивановна, я не имею права говорить, откуда деньги. Просто решили вам помочь.

– Помочь? Да вы же не знаете, как мы живём. Откуда я возьму такую сумму, чтобы рассчитаться с долгами? – поправляя старый платок, сказала она.

– Мы хорошо знаем вас, мужа и ваших ребятишек, – сказал Сергей Васильевич. – Знаем, как вам живётся. И просто решили помочь. Всё, бегите домой. Ребятишки заждались, – и, развернувшись, он зашёл в отдел.

Анна Ивановна поспешила на улицу, где ждала машина.

Вечером, вернувшись, домой, Иван увидел жену, сидевшую за столом. Засмеялся, подошёл. Обнял, положил перед ней селёдку, завёрнутую в газету и маленький кулёчек с конфетами.

– Нюра, я знал, что всё уладится. Не могли деньги пропасть. Просто кассир ошиблась, когда выдавала.

Она долго смотрела на мужа, теребя в руках край фартука, потом сказала:

– Это была не ошибка. То, что не арестовали и домой вернулась… Ваня, нам помогли заключённые… Нет, точнее сказать, им удалось спасти не только наших детей, но и нашу семью. Иначе, все бы пропали…

Она замолчала, посматривая на спящих детей, и поправила седую прядь волос, выбившуюся из-под косынки…

Добавить комментарий

Комментарии